



ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ.
ОДИН ДОГОВОР.
ОДНА ЛОЖЬ.
И ОДНА
правда.

СКАНДАЛ
В ВАЛМОНТЕ:
НАСЛЕДНИЦА
ЛОРАН
И ХОККЕИСТ
РЕЙЕС
ВМЕСТЕ?

Разрушь МОЮ РЕПУТАЦИЮ

ЛЕРА ВИРТА

18+

Лера Вирта

Разрушь мою репутацию

<https://litres.ru/74228949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть недель. Один фиктивный роман. И слишком высокая цена за правду.

Нора Лоран — наследница влиятельной семьи и студентка элитного швейцарского университета. Через шесть недель она получит право голоса в семейном трасте и сможет сорвать сделку, которую годами готовила её мать. Но вместо свободы Нору ждёт публичная помолвка с Джулианом Воссом — наследником семьи, с которой её родные собираются объединить бизнес.

Чтобы разрушить чужой сценарий, Нора неожиданно целует капитана университетской хоккейной команды Коула Рейеса и объявляет его своим парнем.

Для Коула фиктивные отношения — шанс спасти карьеру после громкого скандала. Для Норы — возможность выиграть время. Но чем дольше длится их игра, тем труднее скрывать настоящие чувства. Особенно когда тайны прошлого, семейные интриги, шантаж и опасные долги грозят разрушить не только их планы, но и всё, что стало по-настоящему важным.

Содержание

Глава 1. Сыграй со мной	5
Нора	5
Глава 2. Худший способ спасти карьеру	21
Коул	21
Глава 3. Шесть недель	32
Нора	32
Глава 4. Чужие руки	53
Коул	53
Глава 5. Идеальная катастрофа	72
Нора	72
Глава 6. Первый заезд	86
Коул	86
Глава 7. Ужин с хищниками	101
Нора	101
Глава 8. Не мой герой	115
Коул	115
Глава 9. Кольцо на подушке	128
Нора	128
Глава 10. Одна кухня, два врага	141
Нора	141
Глава 11. Шрамы под формой	159
Коул	159
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Лера Вирта

Разрушь мою репутацию

ВАЛІМОНТ
РАЗРУШЬ МОЮ

РЕПУТАЦИЮ

Роман

Глава 1. Сыграй со мной

Нора

Моя мать собирается продать меня ровно через восемь минут.

Она назовёт это союзом.

На экранах за сценой появятся переплетённые золотые буквы L и V. Хрустальные бокалы поднимутся одновременно, потому что официантам заранее раздали поминутный план. Председатель попечительского совета растроганно скажет, что две великие семьи наконец стали одной. А Джулиан Восс наденет мне на палец кольцо, которое я не выбирала, перед камерами медиахолдинга, принадлежащего его отцу.

И если я откажусь, история будет уже написана.

Не «Нора Лоран сказала нет».

«Нестабильная наследница сорвала крупнейшую сделку года».

Я знаю это точно, потому что сама учусь писать такие истории.

— Ты снова считаешь выходы, — говорит Зои рядом со мной.

Она не улыбается. Для неё это почти чрезвычайное поло-

жение.

— Четыре обычных, два служебных, один через кухню и один на террасу, — отвечаю я. — Но на кухне мать поставила своего помощника, у главного входа пресса, а терраса выходит на озеро. Платье красивое, но как спасательный жилет работает отвратительно.

Зои быстро переводит взгляд на мою мать.

Хелена Лоран стоит у сцены в серебристом платье и принимает поздравления с тем, чего ещё не объявила. Она умеет улыбаться так, будто лично изобрела гостеприимство, деньги и правильное освещение. Вокруг неё — деканы, инвесторы, владельцы клубов, два министра и люди, которые никогда не представляются без должности.

Бал основателей Валмонта проводится в Стеклянном павильоне над озером. За прозрачными стенами чернеют Альпы, внутри тысячи свечей отражаются в потолке, и весь зал кажется драгоценностью, в которой нечем дышать.

На мне винно-красное платье из новой коллекции матери. На Джулиане наверняка будет галстук того же оттенка. Это называется визуальной драматургией пары.

Это называется уликой, если знаешь, куда смотреть.

— Ты уверена? — шепчет Зои.

Я показываю ей экран телефона под складками юбки.

В письме от директора по коммуникациям Laurent Collection всего четыре строки.

«В 22:30 — объявление о личном и деловом союзе семей

Лоран и Восс. После выхода Джулиана — музыкальная пауза, кольцо, фото. Нора остаётся на сцене для комментария».

Остаётся.

Как предмет декора.

— Я могу случайно включить пожарную тревогу, — предлагает Зои. — У меня лицо человека, который не умеет обращаться со свечами. Все поверят.

— Мать перенесёт объявление на парковку и назовёт это смелым современным форматом.

— Тогда я могу неслучайно поджечь Джулиана.

— Это дружба. Но оранжевый тюремный тебе не идёт.

Зои касается моего локтя.

— Нора, скажи ей нет.

Как будто это слово в моей семье имеет тот же смысл, что у остальных людей.

Через шесть недель мне исполнится двадцать три. В этот день вступит в силу завещание бабушки, и я получу право голоса в семейном трасте. Не контрольный пакет. Не волшебную палочку. Всего один голос — но его хватит, чтобы заблокировать объединение Laurent Collection с Voss Live.

Если до этого совет не признает меня неспособной действовать в интересах семьи.

Публичный скандал даст матери именно тот аргумент, который ей нужен.

Публичное согласие отдаст Джулиану меня.

Восемь минут.

В университете нас учат: кризис — это разница между случившимся и историей, которую успели рассказать первой.

Мне нужна третья история.

— Найди профессора Дюваля, — говорю я Зои. — Спроси, можно ли признать недействительным объявление о помолвке, если невеста в этот момент совершает побег через озеро.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

— Я не оставляю тебя одну.

— Ты не оставляешь. Ты создаёшь алиби.

Она смотрит на меня ещё секунду, потом кивает. Зои знает: если прижать меня к стене, я начинаю шутить. Если становится по-настоящему страшно — шучу лучше.

Она растворяется среди гостей, а я поворачиваюсь к сцене.

И вижу Коула Рейеса.

Он стоит у ледяной скульптуры ворона с таким выражением, будто решает, можно ли разбить её головой до того, как вмешается охрана.

На капитане университетской хоккейной команды чёрный смокинг, явно взятый напрокат или у более широкоплечего преступника. Белая рубашка расстёгнута у горла. Бабочка исчезла. На костяшках правой руки свежая ссадина, и это настолько предсказуемо, что почти очаровательно.

Почти.

Коул ловит мой взгляд через весь зал.

Вместо того чтобы смутиться, поднимает бокал.

Я однажды назвала его «гневом с коньками» в анонимной колонке кампусного журнала. Он ответил на пресс-конференции, что автору стоит хотя бы раз посмотреть матч до конца, прежде чем ставить диагноз по фотографии.

Я посмотрела.

К сожалению, он был великолепен.

На льду Коул не похож на человека, который сначала бьёт, потом думает. Там он видит линии за секунду до остальных: выманивает защиту, меняет темп, отдаёт передачу туда, где ещё никого нет, — и его партнёр оказывается там ровно вовремя. Грубая сила, замаскированная под хаос. Или расчёт, который удобно выдавать за грубую силу.

Вживую у него тёмные волосы, слишком внимательный взгляд и рот мужчины, привыкшего произносить плохие идеи убедительным тоном.

Он не решение.

Он отдельный кризис.

Поэтому я отворачиваюсь.

— Нора.

Голос Джулиана возникает у моего плеча за миг до его ладони на моей талии.

Я не вздрагиваю. Хелена Лоран потратила двадцать два года, чтобы вырастить дочь, которая не вздрагивает на пуб-

лике.

— Ты опоздал к собственной помолвке, — говорю я.

— Значит, ты уже знаешь.

Джулиан выглядит безупречно. Конечно, галстук винного цвета. Светлые волосы уложены так, что не шевельнутся даже при эвакуации. На запонках — буква V. Он любит ставить своё имя на вещах, чтобы они не забывали, кому принадлежат.

— Знаю, что через семь минут моя мать собирается сделать заявление от моего имени.

— От имени наших семей.

— Моя семья пока не включает тебя.

Его пальцы на моей талии чуть напрягаются.

Со стороны мы выглядим как пара из рекламы часов: дорогие, холодные, показываем разное время.

— Сегодня это изменится, — говорит он.

— Нет.

Он улыбается женщине из совета, проходящей мимо нас.

— Не устраивай сцену.

— Забавно слышать это от человека, заказавшего прямой эфир для предложения, о котором невеста не знает.

— Ты знала, что союз обсуждается.

— Между компаниями. Не между моим безымянным пальцем и твоим эго.

Его улыбка остаётся на месте. В этом Джулиан страшнее людей, которые кричат. Крик выдаёт потерю контроля. Джу-

лиан причиняет боль только тогда, когда уверен, что контролирует угол камеры.

— Пойдём, — произносит он тихо.

— Я останусь здесь.

— Нам нужно поговорить без публики.

— Тогда пришли официальное приглашение. Мой график забит до никогда.

Его рука перемещается с талии на мой локоть. Пальцы сжимаются. Не настолько сильно, чтобы я вскрикнула. Достаточно, чтобы стало ясно: приглашение не требуется.

Он ведёт меня к боковой галерее.

Я могла бы вырваться. Могла бы повисить голос. Но в трёх метрах стоит камера Voss Live, и объектив уже следует за нами. Джулиан знает это. Я знаю это. Мы оба сохраняем улыбки.

Именно так выглядит насилие в нашем мире: рука на локте, идеальная осанка, ни одного пятна на белой рубашке.

За колоннами музыка становится тише. Сквозь стекло видно чёрную воду и цепочку огней вдоль берега.

Я освобождаю руку резким движением.

— Не трогай меня.

— Ты превращаешь простое решение в унижение для всех.

— Для тебя.

— Для Хелены. Для совета. Для сотен сотрудников, чьи рабочие места зависят от сделки.

— Не прикрывай моё принуждение чужими зарплатами.

На секунду его лицо становится настоящим. Исчезают мягкость, светская скука и натренированная нежность. Остаётся злость человека, которому вещь вдруг ответила.

— Тебе двадцать два, Нора. Ты никогда не управляла ничем крупнее студенческого проекта.

— И поэтому должна выйти замуж за мужчину, управляющего букмекерской помойкой?

Его взгляд леденеет.

Все знают о ставках Voss Live. Не все знают, где заканчиваются легальные. Я не знаю деталей и не собираюсь их искать. Мне хватает факта, что при одном упоминании горной трассы люди рядом с Джулианом начинают говорить тише.

— Осторожнее, — предупреждает он.

— Это ты будь осторожнее. Я скажу «нет» на сцене, если придётся.

— И совет увидит избалованную девочку, которая ставит каприз выше будущего компании. До твоего дня рождения они успеют ограничить твой голос.

— Значит, ты признаёшь, что это ловушка.

— Я признаю, что знаю правила лучше тебя.

Он снова хватается за меня — теперь за запястье.

Боль острая, унизительно точная. Большой палец ложится на пульс, словно он проверяет, насколько быстро я понимаю неизбежное.

— Через пять минут ты выйдешь со мной, — говорит

Джулиан. — Улыбнёшься. Примешь кольцо. Всё остальное мы обсудим потом, когда ты перестанешь вести себя как ребёнок.

Я смотрю на его пальцы.

— Отпусти.

— Когда ты успокоишься.

— Она сказала отпустить.

Голос за его спиной низкий, спокойный и совсем не светский.

Джулиан медленно оборачивается.

Коул Рейес стоит в проходе, засунув одну руку в карман брюк. Во второй держит два бокала шампанского. Выражение у него ленивое. Только плечи слишком неподвижны.

Он смотрит не на меня.

На руку Джулиана.

— Иди обратно к своей команде, Рейес, — говорит Джулиан.

— Они заняты. Майло объясняет ректору, почему ледовая арена нуждается в джакузи.

— Это частный разговор.

— Тогда странно, что я слышу слово «отпусти» из коридора.

Я дёргаю запястье. Джулиан не разжимает пальцев.

Коул ставит бокалы на подоконник.

Очень аккуратно.

— Нора, — произносит он, всё ещё глядя на Джулиана.

— Ты хочешь, чтобы он тебя держал?

Вопрос так прост, что на миг ломает весь сложный механизм вокруг меня.

Не «тебе нужна помощь?».

Не «он делает тебе больно?».

Не решение за меня.

— Нет.

Коул кивает один раз.

— Убери руку, Восс.

Джулиан отпускает меня — и тут же делает шаг к нему.

— Ты всё ещё не понял, кому принадлежишь?

У Коула меняется взгляд.

Совсем немного. Но я вижу: слова попадают туда, где уже есть рана.

— Последний шанс уйти, — говорит Джулиан. — Или мне напомнить, сколько стоила жизнь твоего брата?

Воздух исчезает из галереи.

Я ничего не понимаю, кроме одного: они знают друг друга не по университетским благотворительным вечерам.

— Коул, — говорю я.

Он слышит. Я вижу это по короткому движению челюсти.

Но Джулиан уже улыбается.

— Хороший мальчик. Стой и жди, пока взрослые закончат.

Затем он толкает Коула ладонью в грудь.

Удар длится меньше секунды.

Коул не замахивается широко. Не предупреждает. Его кулак врзается Джулиану в лицо коротко и страшно — звук глухой, как шайба о борт.

Джулиан падает на колено. Из разбитой губы на белую ма-
нишку капает кровь.

А за моей спиной кто-то ахает.

Музыка в зале продолжается ещё два такта, потом обры-
вается.

Коул смотрит на собственный кулак так, словно ненави-
дит его не меньше Джулиана.

— Вот дерьмо, — говорит он.

В проходе появляется первый телефон.

Потом второй.

Камера Voss Live поворачивается к нам, и красная лам-
почка означает прямой эфир.

Охрана движется через зал. За ней — декан, тренер Коула,
моя мать и председатель совета. Я вижу, как быстро Хелена
оценивает картину: Джулиан в крови, Коул над ним, я между
ними.

Через четыре минуты она должна объявить мою помолв-
ку.

Теперь у неё есть ещё более удобная история.

Опасный спортсмен напал на наследника Voss без причи-
ны. Нора стала свидетелем. Laurent Collection выражает под-
держку пострадавшей семье. Объявление переносится, но не
отменяется. Коул лишается команды, стипендии и будущего.

Джулиан поднимается, вытирая кровь большим пальцем. Он смотрит на Коула с торжеством.

И я понимаю: он хотел этого удара.

Не загадка. Не догадка. Джулиан даже не скрывает удовольствия.

— Всё сняли? — спрашивает он у камеры.

Коул делает шаг вперёд.

Я встаю перед ним.

— Не надо.

— Отойди, Лоран.

— Если ты ударишь его второй раз, мне придётся придумать очень длинную ложь.

— Тебя это обычно не останавливает.

Даже сейчас он умудряется быть невыносимым.

Охрана уже в десяти шагах. Тренер Келлер бледна от ярости. Мать поднимается на сцену — не к нам. К микрофону.

Она собирается вернуть контроль.

Три минуты.

Мне нужна третья история.

Сейчас.

Я хватаю Коула за руку. Его пальцы тёплые, костяшки влажные от чужой крови. Он мгновенно напрягается, но не отдёргивает ладонь.

— Сыграй со мной, — шепчу я.

Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах ещё бушует драка, но голос звучит ровно:

— Во что?

— В мужчину, который ударил его не из-за долга и не потому, что не умеет считать до десяти.

На сцене включается микрофон.

— Дорогие друзья... — начинает мать.

— Это оскорбительно точное описание, — говорит Коул.

— Я могу сделать хуже.

— Не сомневаюсь. Насколько убедительно?

Его большой палец ложится рядом с моим. Он не тянет меня к себе. Не решает, что я имею в виду. Ждёт.

Вокруг нас десятки камер.

Джулиан понимает первым.

— Даже не думай, — произносит он.

Я сжимаю ладонь Коула дважды.

Продолжай.

Не знаю, откуда берётся этот знак. Может быть, из потребности сказать «да» так, чтобы слышал только один человек.

Коул поднимает свободную руку к моему лицу. Медленно. Даёт мне время отступить.

Я не отступаю.

— Нора? — спрашивает он едва слышно.

Вопрос касается губ раньше него.

— Да.

Я целую его первой.

План состоит в том, чтобы прижаться ртом к его рту на две секунды. Достаточно для фотографии. Недостаточно, чтобы

забыть, что всё это спектакль.

План умирает сразу.

Коул пахнет морозом, хотя мы в душном зале, и чем-то горьким — кофе или плохими решениями. Его ладонь остаётся у моей щеки, пальцы не сжимают, только удерживают пространство вокруг меня. Когда я раскрываю губы от неожиданного вдоха, он отвечает — осторожно, а от этой осторожности по спине проходит жар.

Он умеет быть мягким.

Это худшее, что я могла о нём узнать.

Шум зала растворяется. Я чувствую его нижнюю губу, неровное дыхание, удар собственного пульса в запястье, где уже проступают следы пальцев Джулиана. Коул касается большого пальца этой руки — один раз, вопросительно.

Я снова сжимаю его ладонь дважды.

И поцелуй становится глубже.

Не грубее. Не властнее.

Честнее, чем имеет право быть ложь.

Кто-то выкрикивает моё имя. Вспышка возвращает мне зрение, другая — здравый смысл.

Я отстраняюсь.

Коул не идёт следом. Его рука падает с моего лица, но пальцы остаются переплетены с моими.

Он смотрит так, будто только что тоже потерял какую-то важную мысль.

Хорошо. Значит, я не одна.

Я поворачиваюсь к камере Voss Live.

Красная лампочка горит.

— Мисс Лоран! — кричит репортёр. — Что здесь произошло? Почему Коул Рейес напал на Джулиана Восса?

Мать замирает у микрофона.

Джулиан становится блее рубашки.

Коул чуть сжимает мою руку. Один раз.

Остановись?

Нет. На этот раз это предупреждение: подумай.

Я думаю.

Две секунды.

Потом выбираю историю, в которой хотя бы один человек спросил, чего хочу я.

— Коул защищал меня, — говорю я прямо в объектив. — Потому что он мой парень.

Тишина длится ровно столько, сколько нужно интернету, чтобы сделать скриншот.

А затем Стекланный павильон взрывается голосами.

Коул наклоняется к моему уху.

— Кажется, ты только что объявила войну.

— Нет, — отвечаю я, не отрывая взгляда от Джулиана. — Я сорвала помолвку.

— И давно мы встречаемся?

— Достаточно давно, чтобы ты ревновал.

— Я не ревную. Я быю быстро и без эмоциональной вовлечённости.

Смех вырывается у меня совершенно не вовремя.

Камеры ловят его тоже.

Вот она — идеальная фотография: скандальная наследница смеётся в объятиях плохого мальчика, пока отвергнутый жених вытирает кровь.

Третья история.

Моя.

Только когда Коул снова сжимает мои пальцы, я понимаю две вещи.

Первая: он не отпустил меня даже после того, как камеры получили своё.

Вторая: я всё ещё не хочу, чтобы отпускал.

Глава 2. Худший способ спасти карьеру

Коул

К десяти утра я успеваю стать героем, психопатом, тайным любовником и худшим решением Норы Лоран.

Последнее — единственная версия, с которой я не спору.

Майло держит телефон над столом в раздевалке и торжественно зачитывает заголовки, пока я перематываю костяшки.

— «Капитан “Воронов” разбил лицо медианаследнику из-за женщины». Скучно. «Лёд, кровь и запретная страсть: роман, который потряс Валмонт». Уже лучше. О, вот моё любимое: «Десять доказательств, что Коул Рейес и Нора Лоран встречались у всех на виду». Доказательство номер три — ты однажды придержал ей дверь в библиотеке.

— Это был другой человек.

— Не разрушай красивую легенду фактами.

— Она рухнет, когда автор узнает, что я не хожу в библиотеку.

— Именно поэтому у нас последний курс, а ты всё ещё считаешь “Отче наш” списком литературы.

Я затягиваю ленту зубами.

На экране снова запускается видео. Без звука я всё равно знаю каждую секунду.

Вот Восс на полу.

Вот Нора встаёт передо мной, хотя весит примерно столько же, сколько моя сумка с формой, и останавливает одним взглядом.

Вот она берёт меня за руку.

Вот целует.

Майло смотрит ролик уже двадцать седьмой раз исключительно из исследовательского интереса. Я — потому что каждый раз надеюсь увидеть момент, когда мог принять другое решение.

Не бить Восса.

Не соглашаться на спектакль.

Не отвечать на поцелуй так, будто шесть лет ждал именно её.

Такого момента нет.

Когда Нора дважды сжала мою ладонь, весь зал исчез. Остался только её тихий вопрос и красные следы на запястье.

Я бы снова ударил Восса.

Вот в чём настоящая проблема.

Дверь раздевалки распахивается.

— Рейес. Ко мне, — говорит тренер Келлер.

Майло мгновенно блокирует телефон.

— Если он не вернётся, его шкафчик мой.

— В нём две футболки и неоплаченные счета.

— Тогда шнурки.

Тренер не улыбается.

Плохо.

Её кабинет выходит окном на пустую арену. Лёд после утренней заливки чистый, блестящий, без единой царапины. Через несколько часов мы должны были отрабатывать большинство перед матчем с Монтрё. Теперь моя форма висит в шкафу.

Тренер Келлер закрывает дверь и кладёт на стол распечатку дисциплинарного регламента.

— Сядь.

— Мне стоя легче раскаиваться.

— Ты когда-нибудь пробовал молча?

Я сажусь.

Рядом с ней в кресле сидит Алекс Фогель, мой агент. Серый костюм, серое лицо, кофе без сахара — человек, которому ещё до завтрака приходится объяснять профессиональным клубам, почему его клиент снова выглядит как уголовное дело с хорошей статистикой.

— Сотрясение у Восса исключили, — говорит Алекс. — Рассечение губы, ушиб скулы. Он пока не подал заявление.

— Великодушный.

— Не обольщайся. Он ждёт, какой вариант нанесёт тебе больше вреда.

Я смотрю на тренера.

— Нора сказала правду. Он держал её силой.

— Камера этого не сняла, — отвечает Келлер. — На видео он стоит к объективу спиной. Потом поворачивается, говорит с тобой, ты бьёшь.

— Я видел её руку.

— И должен был позвать охрану.

— Она была в двадцати шагах.

— Теперь ты снимаешься с завтрашнего матча.

Слова прилетают спокойно. Поэтому бьют сильнее.

Я подаюсь вперёд.

— У нас полуфинал конференции через две недели. Нам нужны очки посева.

— Я умею читать календарь.

— Команда не должна расплачиваться за...

— Команда уже расплачивается, капитан. — В её голосе впервые появляется злость. — Потому что ты снова решил, что твой кулак быстрее любого другого решения.

Я закрываю рот.

Келлер знает, куда бить. Слово «капитан» звучит не как должность — как обвинение.

— Отстранение на один матч вступает в силу сегодня, — продолжает она. — Университетская комиссия рассмотрит эпизод в пятницу. Если Восс подаст заявление или Нора откажется от своей версии, сезон для тебя закончен.

Алекс ставит кофе на край стола.

— И не только сезон. Представители «Лозанны» уже за-

просили объяснение. Им нужен центральный нападающий, а не граната без чеки.

— Я не граната.

Он смотрит на забинтованную руку.

— Отлично. Убедим их, что ты декоративная свеча.

Тренер откидывается в кресле.

— Как давно вы с Норой Лоран вместе?

— Давно.

— Рейес.

— В зависимости от часового пояса?

— Выйди, — говорит она Алексу.

— С удовольствием, — отзывается он. — Но сначала озвучу неприятную часть, за которую мне платят. Сейчас Нора — единственный человек, публично давший твоему удару контекст. И отношения с ней — единственное, что превращает тебя из агрессора в идиота, защищавшего девушку.

— Утешил.

— Идиот способен подписать контракт. Агрессора клуб не купит. Если этот роман настоящий, тебе придётся не прятать его следующие несколько недель. Если ложь — сделай так, чтобы она не развалилась до решения комиссии и конца плей-офф.

Тренер медленно поворачивается к нему.

— Вы предлагаете моему игроку продолжать публичный обман?

— Я предлагаю вашему игроку впервые довести принятое решение до полезного результата.

— Я здесь, — напоминаю я.

— Это и создаёт половину проблем, — одновременно говорят они.

Я встаю.

— Я поговорю с Норой.

Келлер тоже поднимается.

Она ниже меня почти на голову и всё равно умудряется смотреть сверху.

— Ты не будешь давить на неё ради своей карьеры. Она захочет сказать правду — ты примешь последствия. Понял?

— Да.

— И держись подальше от Восса.

— Это сложнее.

— Почему?

На миг в кабинете становится слишком тихо.

Потому что три года назад Матео лежал в больнице, а у меня было сорок восемь часов, чтобы найти деньги на операцию. Потому что банк видел в нашей мастерской долги, страховая — исключение мелким шрифтом, а Джулиан Восс увидел цену, по которой можно купить меня.

Потому что я всё ещё должен ему три заезда.

Потому что вчера он напомнил об этом перед Норой.

— Он любит провоцировать, — отвечаю я.

Это правда. Просто не вся.

Тренер долго смотрит на меня.

— Тогда научись не давать ему того, чего он хочет.

Я киваю и выхожу.

В коридоре телефон вибрирует.

Не Нора.

Сообщение с неизвестного номера содержит адрес подземной парковки под факультетом права и два слова: «Пять минут».

Фотография профиля не нужна.

Восс всегда формулирует угрозы как деловые встречи.

Я мог бы не идти.

Но внизу обычно паркует мотоцикл Матео, а Джулиан знает расписание моего брата лучше, чем должен.

Через четыре минуты я открываю дверь на парковку.

Восс ждёт возле чёрного автомобиля. На его губе три аккуратных шва. Синяк уже проступает под левым глазом и почему-то делает его лицо человечнее. Ненадолго.

Рядом стоят двое мужчин в тёмных куртках. Я видел их на стартах Чёрного перевала. Один проверяет ставки перед заездом. Второй объясняет гонщикам, почему отказаться нельзя.

Никаких тайн. Джулиан любит власть именно за то, что ему редко приходится её скрывать.

— Один, — говорит он вместо приветствия.

— Знаю. Надо было два.

Он касается шва языком.

— Твой долг увеличился.

— За медицинские расходы пришлётся счёт.

— За публичное унижение.

— Оно было бесплатным.

Мужчина справа делает шаг. Джулиан едва заметно поднимает палец, и тот останавливается.

— Три заезда, Рейес. Как договаривались. Первый — в эту субботу.

— У меня матч.

— Насколько я слышал, уже нет.

Я сжимаю зубы.

Он подготовил удар ещё до того, как я нанёс свой. Вот чем мы отличаемся. Я дерусь с угрозой, которая стоит передо мной. Джулиан заранее покупает место, куда ты упадёшь.

— После трёх мы закончили, — говорю я.

— Если будешь послушным.

— Я не твоя собака.

— Нет. Собаки понимают, кто их кормит.

Я делаю шаг к нему.

На этот раз не бью. Не потому, что он не заслуживает, а потому, что сверху тренер Келлер, впереди плеи-офф, а Матео всё ещё жив благодаря деньгам, которые никогда не были подарком.

Восс видит, чего мне стоит остановиться, и улыбается.

— Уже учишься. Теперь второе: держись подальше от Нормы.

Я смеюсь.

Не могу удержаться.

— Серьёзно? Вот так звучит твоя просьба после того, как она поцеловала меня перед половиной кантона?

— Это была истерика.

— У неё очень убедительные истерики.

В памяти мгновенно возникает вкус шампанского на её губах. То, как она дважды сжала мою руку. То, как всё её идеально собранное тело дрогнуло, когда я ответил.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

Не время.

— Через шесть недель Нора станет моей женой, — говорит Джулиан.

— Она вчера довольно ясно высказалась на этот счёт.

— Она станет тем, кем нужно семье. А ты — тем, кем нужно мне. Не путай один поцелуй с выбором.

— Она выбрала меня.

Слова вылетают прежде, чем я решаю их произнести.

Восс перестаёт улыбаться.

Попадание.

— Она использовала тебя, — говорит он.

— И всё равно предпочла тебе. Должно быть обидно.

— Прикоснёшься к ней ещё раз — твой брат узнает, как быстро возвращаются неоплаченные долги.

Во мне что-то темнеет.

Я подхожу так близко, что его охранники напрягаются.

— Произнеси имя Матео ещё раз, и суббота лишится главного гонщика.

— Ты угрожаешь мне?

— Объясняю последствия. Ты любишь деловой язык.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга.

Я мог бы сказать, что Нора не имеет ко мне отношения. Что поцелуй был уловкой. Это обезопасило бы её — или мне хочется так думать. На самом деле Восс уже видел, что она использовала меня против него. Назад он её не отпустит.

А ещё я слышу его «будущая жена» и вспоминаю красные следы на её коже.

Не трогать Нору — разумное решение.

Именно поэтому оно обречено.

— В субботу, — повторяет Восс. — В полночь. Координаты получишь за час.

— После третьего заезда долг закрыт.

— Победишь — обсудим.

Вот и вся встреча. Он садится в машину, уверенный, что последнее слово равно победе.

Я остаюсь среди бензинового запаха и холодного бетона.

Телефон снова вибрирует.

На этот раз Нора.

«Нам нужно поговорить».

Под сообщением появляется второе.

«В месте без камер, моей матери и твоего кулака».

Несмотря ни на что, я улыбаюсь.

Пишу: «Мой кулак обычно приходит со мной».

Три точки возникают сразу.

«Тогда надень на него намордник. Арена. 21:00».

Я должен отказаться.

Тренер сказала не давить. Восс пригрозил Матео. Нора использовала меня, а я позволил, потому что от одного её «да» потерял остатки разума. Продолжать спектакль опасно для неё, для команды и для единственного человека, которого я пытался спасти последние три года.

Я смотрю на стоп-кадр из вчерашнего видео.

Нора смеётся, запрокинув голову. Моя рука лежит у неё на талии. Джулиан на заднем плане выглядит так, словно впервые увидел закрытую перед собой дверь.

Алекс прав: если эта история продержится, у моей карьеры останется шанс.

Но не поэтому я отвечаю.

«Буду».

Я нажимаю отправить и добавляю:

«Надень то красное платье».

Ответ приходит через секунду.

«Надень бронежилет».

Шесть недель рядом с Норой Лоран — худший способ спасти карьеру.

К сожалению, худшие решения всегда получались у меня лучше всего.

Глава 3. Шесть недель

Нора

Коул опаздывает на три минуты.

Я успеваю внести опоздания в пункт о расторжении, вычеркнуть их как мелочность и снова вписать, потому что мелочность — недооценённый инструмент переговоров.

Пустая арена Валмонта ночью похожа на храм, построенный в честь холода. Над белым прямоугольником льда горят только рабочие лампы. Трибуны уходят в темноту, под потолком неподвижно висят флаги «Воронов», и любой звук возвращается эхом.

Я сижу в штрафном боксе с ноутбуком на коленях.

Место выбрано неслучайно.

Во-первых, здесь точно нет камер Voss Live. Во-вторых, символизм достаточно очевиден даже для хоккеиста.

Дверь у тоннеля открывается.

Коул выходит к борту в серых спортивных брюках, чёрной толстовке и с двумя бумажными стаканами. Волосы ещё влажные после душа. На правой руке белая повязка, и я злюсь на неё сильнее, чем имею право.

— Я просила надеть намордник, — говорю я.

— Не нашёл подходящего к обуви.

Он ставит один стакан на бортик передо мной.

— Что это?

— Кофе.

— Я вижу. Почему он у меня?

— Потому что за последние двадцать четыре часа ты объявила о наших отношениях перед всей страной, дала четыре официальных комментария и прислала мне договор на девять страниц. Решил, что твоя кровь уже состоит из кофеина, но уровень надо поддерживать.

Я снимаю крышку и осторожно нюхаю.

— Овсяное молоко, двойной эспрессо, без сиропа, — говорит он.

Именно мой заказ.

— Откуда ты знаешь?

— Ты каждое утро берёшь его в киоске у библиотеки.

Я смотрю на него.

— Ты же не ходишь в библиотеку.

— Киоск снаружи.

— Значит, ты следил за мной с безопасного расстояния от книг?

— Не льсти себе, Лоран. Ты всегда стоишь впереди меня в очереди и споришь, что крышки нельзя считать экологичными только потому, что они бежевые.

— Потому что нельзя.

— Я запомнил против воли.

Он отходит на другую сторону стекла и опирается плечом

о перегородку. Между нами прозрачная стена, изрезанная следами шайб. Для разговора о границах подходит идеально.

Я делаю глоток.

Кофе правильный.

Это тоже раздражает.

— Красного платья не будет, — сообщаю я.

— Я переживу.

— На редкость достойно.

— Снял его с тебя в воображении ещё до сообщения.

Я поперхнулась бы, если бы Хелена Лоран не вложила состояние в мои манеры.

— И как? — спрашиваю сухо.

Уголок его рта двигается.

— Красиво. Но у тебя там тоже был ноутбук.

Я ненавижу, что смеюсь.

Не громко. Всего один короткий звук, но арена возвращает его со всех сторон, словно считает важным.

Коул смотрит на меня чуть дольше положенного.

Потом кивает на экран.

— Что мы подписываем?

Я поворачиваю ноутбук к стеклу, хотя он всё равно не сможет прочитать мелкий шрифт.

— Соглашение о временном взаимовыгодном публичном сопровождении.

— Нет.

— Ты ещё не видел условий.

— Мне не нравится название. Звучит как дорогая проституция с налоговым вычетом.

— У тебя есть предложение лучше?

— Фиктивные отношения.

— Слишком прямолинейно.

— Мы вчера целовались в прямом эфире над человеком, которого я ударил. Думаю, прямолинейность уже не навредит репутации.

Я закрываю титульный лист и печатаю: «Договор о фиктивных отношениях».

— Доволен?

— Почти. Добавь: «между манипуляторшей и человеком с прекрасным правым хуком».

— «Между кризисным коммуникатором и женщиной с нарушением импульсного контроля».

— Уже чувствуется химия.

Я складываю ладони на клавиатуре.

— Прежде чем мы начнём: я не буду утверждать, что вчерашний удар был правильным.

Улыбка исчезает с его лица.

— Не прошу.

— Но Джулиан держал меня против моей воли. Я сказала отпустить. Он не отпустил. Ты вмешался после того, как спросил меня.

Коул смотрит через стекло прямо на моё запястье. Сегодня синяк скрыт широким золотым браслетом.

— Он делал так раньше?

Вопрос звучит слишком спокойно.

— Это не относится к договору.

— Значит, да.

— Значит, я не хочу отвечать.

Его челюсть напрягается, но он кивает.

Не требует. Не угадывает вслух. Принимает закрытую дверь.

Я замечаю это и злюсь ещё больше. На него проще смотреть, если он агрессивное клише. К клише не тянет прикоснуться через стекло.

— Зачем тебе продолжать? — спрашивает Коул.

— Через шесть недель мне исполнится двадцать три, и я получу голос в трасте. До этого матери нужно удержать меня рядом с Джулианом и убедить совет, что я принимаю решения в интересах семьи. Теперь публично вернуть меня к нему можно только ценой признания, что вчерашнее объявление готовилось без моего согласия. Наши отношения дают мне время.

— Ты могла бы просто рассказать правду.

— Кому? Каналу Джулиана? Совету, который ужинает в отелях моей матери? Люди верят не самой правдивой истории, Коул. Они верят истории, которая объясняет то, что хотят видеть.

— И что они хотят видеть?

— Что идеальная дочь Лоран потеряла голову из-за непод-

ходящего мужчины.

Он медленно улыбается.

— Наконец-то работа по специальности.

— Не наслаждайся. Ты здесь — ходячая ошибка, которую аудитория сочтёт романтической.

— А ты — богатая девочка, использующая меня как дымовую шашку.

Слова попадают точно.

Я поднимаю подбородок.

— Поэтому я предлагаю сделку, а не прошу об одолжении. Ты получаешь публичный контекст для удара. Моя версия остаётся неизменной до дисциплинарной комиссии и конца плей-офф. Твой агент сможет показывать клубам фотографии стабильного капитана в серьёзных отношениях, а не вирусный ролик с очередной дракой.

— Алекс говорил с тобой?

— Сегодня в два. Он назвал меня «позитивным стабилизирующим фактором».

— Романтик.

— Ещё он сказал, что представители «Лозанны» нервничают.

Коул опускает взгляд на лёд.

Всего на секунду. Но я вижу, насколько это важно. Профессиональный контракт для него не красивая строка в биографии. Это выход. Возможно, единственный.

— Один матч, — говорит он.

— Что?

— Келлер сняла меня с одного матча. Комиссия в пятницу. Если Восс не подаст заявление и ты не изменишь показания, смогу вернуться.

— Он не подаст.

Коул смотрит резко.

— Откуда знаешь?

— Потому что в суде придётся отвечать, что произошло до удара. Джулиану нужна власть над тобой, а не процедура, в которой он не контролирует все вопросы.

— Ты всегда так говоришь о людях, будто раскладываешь их по слайдам?

— Только когда они пытаются организовать мою помолвку без меня.

— И меня ты уже разложила?

— Импульсивный. Самоуверенный. Предсказуемо провокационный. С комплексом спасателя и аллергией на галстуки.

— Ты пропустила красивый.

— Это не личностная характеристика.

— При такой красоте — почти моральная.

— Ты согласен или пришёл тратить мой кофе?

Он поднимает свой стакан.

— Шесть недель?

— До полуночи в день моего рождения. К тому времени закончится плей-офф и состоится голосование траста. После

этого объявим, что мирно расстались из-за несовместимых графиков.

— Нет.

— Что именно?

— Расстанемся громко. Я украду твою собаку, ты выбросишь мою одежду с балкона.

— У меня нет собаки.

— За шесть недель можно завести.

— Тебе нельзя доверять живое существо.

— Я капитан хоккейной команды.

— Именно.

Улыбка снова касается его рта, но глаза остаются серьёзными.

— Хорошо. Шесть недель. Какие правила?

Я открываю документ.

— Первое: срок действия — шесть недель, начиная со вчерашнего вечера.

— Вчера считается? Тогда ты уже должна мне одно свидание.

— Вчера ты ударил человека и выпил мой бокал. Это не свидание.

— В моём районе за меньшее женятся.

— В моём — разводятся.

Я отмечаю первый пункт.

— Второе: публичные прикосновения допустимы только по предварительному согласованию.

Коул хмурится.

— Как ты собираешься согласовывать поцелуй перед камерами? Отправлять приглашение в календарь?

— Можно использовать условный знак.

Он касается ладонью стекла. Пальцы длинные, костяшки сбиты. Вчера эта рука держала моё лицо так, будто я могла разбиться.

— Два сжатия, — говорит он.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты помнишь.

— Трудно забыть момент, когда Нора Лоран молча приказала меня поцеловать.

— Это не был приказ.

— Знаю.

Ответ приходит без шутки.

Я провожу большим пальцем по краю ноутбука.

— Два сжатия означают «продолжай». Одно — «остановись».

— Не только перед камерами.

— Что?

— Если один из нас хочет остановиться, одно сжатие работает всегда. Даже если камеры уже снимают. Даже если остановка выглядит плохо.

Я встречаю его взгляд.

— Согласна.

Печатаю формулировку полностью.

— Третье: никаких настоящих свиданий, ночёвок и секса.

— Ты поставила свидания в один ряд с сексом. Насколько ужасны твои рестораны?

— Настоящее свидание создаёт неправильные ожидания.

— А ненастоящий секс?

Я смотрю на него поверх экрана.

— Не существует.

— Согласен. В этом вопросе я принципиален.

Его голос становится ниже, и моё тело реагирует раньше, чем разум успевает напомнить: мужчина по другую сторону стекла — временный элемент коммуникационной стратегии.

Я скрещиваю ноги.

Его взгляд опускается.

Всего на долю секунды.

Но достаточно.

— Не смотри, — говорю я.

— Ты надела короткую юбку и села под прожектором.

— Это не согласие.

— Я знаю. Поэтому уже не смотрю.

И действительно смотрит мне в лицо.

Ни спора. Ни привычного «я просто мужчина». Простое исправление.

Что с ним не так? Почему он упорно разрушает удобную версию себя?

— Пункт принят? — спрашиваю я.

— Свидания, ночёвки, секс — нет. Поцелуи?

— Только для публики.

— Вчера публика была в восторге.

— Вчерашний поцелуй длился дольше необходимого.

— Ты дважды дала сигнал продолжать.

— Это был стресс.

— Разумеется.

— И шампанское.

— Половина бокала.

— Ты ведёшь учёт?

— Только важных обстоятельств.

Я печатаю точку с такой силой, будто клавиша виновата в том, что мне жарко.

— Четвёртое: никакой ревности и никаких требований вне публичной роли.

— Мне нельзя ревновать тебя или тебе нельзя ревновать меня?

— Никому нельзя.

— Тогда зачем отдельный пункт? Мы друг другу не нравимся.

— Именно.

— Ты сейчас снова посмотрела на мой рот.

— Проверяла, нет ли там признаков сотрясения.

— А я думал, представляла секс, которого не существует.

— Пункт четыре, Рейес.

— Принят, Лоран.

Я почти слышу улыбку в его голосе.

— Пятое: мы не вмешиваемся в цели друг друга. Я не лезу в твою команду, тренировки и профессиональный контракт. Ты не лезешь в мой траст, компанию и отношения с матерью.

— А если твоя мать снова попытается отдать тебя Воссу?

— Я справлюсь.

— Вчера справилась моими губами.

— Моей идеей.

— Моими губами.

— Не переоценивай вклад подрядчика.

Он отталкивается от стекла.

— Я не стану стоять рядом и улыбаться, если он снова схватит тебя.

— А я не стану шесть недель ходить с личным телохранителем, который бьёт раньше, чем слышит.

— Я услышал твоё «нет».

— А моё «не надо» после удара?

Коул замолкает.

Тишина расползается по арене.

Он опускает голову. Белая лента на руке ярко выделяется на чёрном рукаве.

— Услышал поздно, — говорит наконец.

Без оправдания. Без попытки сделать себя героем.

Я ожидала сопротивления и не знаю, что делать с признанием.

— Поэтому нужен договор, — произношу мягче.

— Договор не остановит меня, если станет опасно.

— Тогда что остановит?

Он смотрит на лёд. Потом на меня.

— Слово.

— Какое?

— «Тайм-аут».

Я чуть улыбаюсь.

— Очень оригинально.

— Мне надо то, что я услышу даже в гневе. Скажешь «тайм-аут» — всё прекращается. Спор. Прикосновение. Публичная сцена. Что угодно.

— Даже если ты считаешь, что прав?

— Особенно тогда.

— Даже если это поставит под угрозу нашу легенду?

— Плевать на легенду.

Он произносит это без колебаний.

Для человека, чьё будущее зависит от нашей лжи, ответ слишком быстрый.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что вчера ты попросила помощи, а через минуту уже спасала меня. Не хочу однажды обнаружить, что наш спектакль превратился для тебя в ещё одну вещь, которую приходится терпеть ради чужого будущего.

Слова проходят под рёбра.

Не красиво. Не нежно. Точно.

Мать убеждала меня, что хорошие дочери терпят ради сотен сотрудников. Джулиан — что взрослые женщины терпят

ради сделки. Совет — что наследницы терпят ради фамилии.

Коул Рейес, которого весь университет считает неуправляемым, первым предлагает правило, по которому моя остановка важнее результата.

Я снимаю браслет.

Кладу его рядом с ноутбуком.

На коже темнеют четыре овальных следа.

Взгляд Коула становится неподвижным.

— Не разбивай ничего, — говорю я.

— Я просто смотрю.

— Ты очень агрессивно смотришь.

— Тайм-аут действует с момента подписи.

Я не спрашиваю, что будет после подписи. Он не шутит, и именно поэтому мне не страшно.

— Шестой пункт, — говорю я. — Слово «тайм-аут» немедленно останавливает любой спор, прикосновение или сцену. Возобновить можно только после прямого согласия обоих.

— Добавь: за использование не нужно объясняться.

Я добавляю.

— Теперь седьмой.

Коул снова опирается на стекло.

— У тебя всё было расписано до шестого.

— Седьмой появился сегодня.

— Почему?

Потому что я видела его лицо, когда Джулиан упомянул

брата. Потому что сегодня утром помощник матери прислал мне список «нежелательных эпизодов» из жизни Коула, и половина строк была вымарана юристами. Потому что между этими мужчинами есть долг, от которого у одного появляется торжество, а у другого — желание убивать.

Ничего выяснять не нужно. Джулиан сам превратил секрет в поводок и показал его мне.

Но если я прямо спрошу, Коул солжёт. Я вижу это по тому, как его пальцы сильнее сжимают стакан.

— Никакой лжи, если от неё зависит безопасность другого, — говорю я.

Он не двигается.

Вот и ответ.

— Слишком расплывчато, — произносит он.

— Наоборот. Мы можем лгать о чувствах, мотивах, любимых фильмах и причине, по которой ты носишь одну и ту же толстовку четыре дня. Но если существует угроза, которая может коснуться другого, мы говорим правду.

— Я стирал её.

— Что?

— Толстовку. Вчера.

— Я рада, что мы немедленно начали с честности.

— А если правда заставит другого вмешаться?

— Пятый пункт всё ещё действует. Рассказать — не значит отдать право принимать решение.

Он смотрит на меня долго. Так долго, что холод от арены

добирается под ворот свитера.

— У тебя есть что-то, что угрожает моей безопасности?
— спрашивает Коул.

Я думаю о матери, совете и Джулиане. О кольце, которое вчера так и осталось за кулисами. О том, как легко один заголовоч может лишит Коула контракта.

— Только наши отношения, — отвечаю я.

— У меня тот же ответ.

Это не ложь.

Просто не вся правда.

Мы оба понимаем разницу и оба делаем вид, что нет.

— Принимаешь седьмой пункт? — спрашиваю я.

Коул подходит к дверце штрафного бокса.

Открывает её и впервые за вечер оказывается со мной по одну сторону стекла.

Пространство сразу становится меньше.

Он забирает ноутбук с моих коленей — медленно, чтобы я успела возразить, — ставит на бортик и читает все семь пунктов. Я слежу за его лицом. За маленьким шрамом над бровью. За тенью щетины. За тем, как беззвучно двигаются губы на особенно юридических формулировках.

— Ты понимаешь слово «конфиденциальность»? — спрашиваю я.

— Это когда Майло узнает всё, но обещает не публиковать до утра.

— Я добавлю штраф.

— Добавь. Денег всё равно нет.

Он говорит легко, но фраза остаётся между нами.

Денег нет.

Долг есть.

Имя брата в устах Джулиана.

Я не задаю вопрос. Пока.

Коул прокручивает документ вниз.

— Принимаю.

— Все пункты?

— Кроме запрета на красное платье.

— Его нет в договоре.

— Именно. Серьёзное упущение.

Я достаю из сумки стилус. Он расписывается прямо на экране — размашисто, без чтения примечаний мелким шрифтом.

— Ты только что отдал мне право на свою публичную жизнь на шесть недель.

— Вчера ты забрала его одним поцелуем. Сейчас хотя бы есть документ.

Я ставлю подпись под его именем.

На экране появляется время: 21:47.

Договор вступает в силу.

Ничего не происходит. Не гаснет свет. Не трескается лёд. Вселенная не предупреждает нас о глупости.

Коул возвращает ноутбук.

— Теперь репетиция.

— Чего?

— Публичных прикосновений. Завтра у твоего факультета будет пресса. Если я подойду, а ты отскочишь, даже Майло поймёт, что мы врём.

— Майло уже понимает.

— Майло думает, что мы тайно женаты с первого курса. Он не считается.

Коул протягивает мне руку ладонью вверх.

Не касается.

Ждёт.

— Это нелепо, — говорю я.

— Это твой договор.

— Поэтому я могу объявить подготовительный период.

— Поэтому я могу расторгнуть его в первые десять минут.

— Шантаж — плохая основа отношений.

— Зато правдоподобная.

Я смотрю на его ладонь.

Вчера я схватилась за неё, потому что у меня не было времени бояться. Сегодня времени слишком много.

Я кладу свои пальцы поверх его.

Коул не сжимает их.

— Вопрос, — напоминает он.

— Можно взять тебя за руку?

— Да.

Его пальцы закрываются вокруг моих.

Не крепко. Надёжно.

— Теперь сигнал, — говорит он.

Я сжимаю дважды.

Коул делает шаг ближе.

Между его кроссовками и моими сапогами остаётся несколько сантиметров. Я поднимаю голову. В пустой арене нет камер, публики, Джулиана и матери. Только белый лёд за стеклом и мужчина, с которым мне запрещены все настоящие вещи.

— Рука на талии? — спрашивает он.

— Да.

Его ладонь ложится поверх тонкой ткани свитера.

Тепло проходит сквозь неё мгновенно.

— Ближе?

Я должна сказать «для камер». Должна оценить угол, осанку, визуальную убедительность.

Вместо этого снова сжимаю его руку дважды.

Он притягивает меня.

Моё тело касается его от груди до колен, и дыхание становится отдельной задачей. Коул смотрит на меня сверху вниз. Больше не улыбается.

— Поцелуй? — спрашивает он.

Одно слово. Никакого давления.

От вчерашнего воспоминания губы покалывает.

Я могла бы сказать «да». Здесь нет камер, но мы ведь репетируем. Любую слабость можно заранее назвать частью плана.

Моя внутренняя ложь уже готова спасти меня.

Я сжимаю его пальцы один раз.

Остановись.

Коул отпускает меня мгновенно.

Не медленно, чтобы продлить касание. Не с разочарованным вздохом. Его руки исчезают, и между нами снова возникает воздух.

— Хорошо? — спрашивает он.

Сердце колотится слишком быстро для женщины, которая только что ничего не сделала.

— Хорошо.

— На сегодня хватит.

Он закрывает мой ноутбук, отдаёт кофе и отходит к дверце.

— Коул.

Он оборачивается.

— Спасибо.

Я не уточняю, за что. За вчерашний вопрос. За сегодняшнее правило. За то, что остановился до того, как мне пришлось оправдывать своё «нет».

Он понимает без уточнений.

— Не благодари раньше времени, Лоран. Через шесть недель ты меня возненавидишь.

— Я предусмотрела ускоренный график.

— А я начинаю завтра в восемь.

— Что в восемь?

— Заберу тебя на первую пару.

— Это в семи минутах пешком.

— У твоего корпуса будут камеры. Влюблённый парень не позволит девушке идти одной.

— Влюблённый парень уважает её способность пользоваться ногами.

— Тогда по дороге поспорим об этом перед прессой.

Он уходит по тоннелю, подняв руку вместо прощания.

— Не опаздывай! — кричу ему вслед.

— Внеси в договор!

Его смех прокатывается под трибунами.

Я остаюсь одна в штрафном боксе.

На экране ждут наши подписи. Семь правил. Шесть недель. Два человека, уверенных, что бумага способна удерживать ложь в безопасных границах.

Я снова смотрю на пункт семь.

«Никакой лжи, если от неё зависит безопасность другого».

Курсор мигает в конце строки, как предупреждение.

Я закрываю документ.

Нам обоим кажется, что это правило понадобится последним.

Мы оба ошибаемся.

Глава 4. Чужие руки

Коул

В восемь ноль три Нора Лоран открывает дверь и первым делом смотрит на часы.

Не на меня.

На часы.

— Ты опоздал, — говорит она.

— Я стою здесь с семи пятидесяти восьми.

— Значит, пять минут занимался чем-то подозрительным.

— Пытался понять, как звонить в дверь дома, где одна ручка стоит дороже моей почки.

Она выходит на мраморное крыльцо и закрывает дверь за собой.

Утро над Валмонтом серое, озеро затянуто туманом, а у ворот уже дежурят шесть репортёров. Наша фотография с бала разошлась дальше, чем гол Норвегии в финале прошлого сезона. Разница только в том, что гол хотя бы забили намеренно.

Нора замечает камеры, и её лицо меняется.

Не сильно. Чужой человек увидел бы красивую девушку в кремовом пальто, собранную, спокойную, готовую к уни-

верситетскому утру. Я вижу, как она расправляет плечи на лишний сантиметр и прячет руки в карманы.

Броня опускается без звука.

— Они стоят здесь с шести сорока, — говорит она.

— Ты проверяла?

— Служба безопасности присылает матери отчёты.

— А мать пересылает их тебе?

— Нет. Я всё ещё умею читать через плечо.

Репортёры узнают нас. Голоса летят через ограду.

— Нора! Коул! Посмотрите сюда!

— Вы провели ночь вместе?

— Что Хелена Лоран думает о ваших отношениях?

— Коул, Джулиан Восс подаст заявление?

На последнем вопросе моя рука сама сжимается.

Нора вытаскивает ладонь из кармана и протягивает мне.

— Вопрос, — напоминает она тихо.

— Можно взять тебя за руку?

— Да.

Я переплетаю наши пальцы. Она дважды сжимает их.

Продолжай.

Мы спускаемся по ступеням.

— Если ты сейчас ударишь репортёра, — произносит она сквозь улыбку, — я найму человека, который будет ходить за тобой и звонить в колокольчик каждый раз, когда ты поднимаешь кулак.

— Хорошая идея. Майло давно ищет подработку.

— Нора! — кричит женщина с микрофоном. — Это правда, что вы тайно встречались несколько недель?

Нора поворачивает голову к ней, не сбавляя шага.

— Коул не умеет делать ничего тихо. Но мы пытались. Репортёры смеются.

Она делает это легко: берёт опасный вопрос, переставляет два слова и отдаёт обратно уже прирученным. Я мог бы смотреть часами, как она управляет толпой. Потом вспоминаю, что именно так она управляла мной на балу, и уважение становится менее удобным.

У ворот кто-то выставляет телефон прямо перед её лицом. Нора замирает на половину шага.

Я не тащу её вперёд.

Поворачиваю ладонь внутри её руки, чтобы большой палец оказался под её пальцами.

Она сжимает дважды.

Только тогда я кладу свободную руку ей на спину и закрываю от камеры собой.

— Дайте пройти, — говорю я.

Не громко.

Люди расступаются.

Нора идёт рядом, не ускоряясь. Только у первого корпуса отпускает мою руку.

— Неплохо, — говорит она.

— Для подрядчика?

— Для мужчины, которому понадобился письменный до-

говор, чтобы освоить слово «можно».

— Ты с утра всегда такая ласковая?

— Нет. Иногда у меня есть кофе.

Я передаю ей стакан, который держал в другой руке.

Она смотрит на него, потом на меня.

— Опять правильный заказ?

— Я капитан. Умею запоминать сложные комбинации.

— Овсяное молоко не сложная комбинация.

— Ты не видела Майло в кофейне.

Уголок её рта поднимается.

Камеры ловят это из-за ограды.

Утренний спектакль закончен. Теперь можно заняться дневным.

В девять двадцать я сижу перед дисциплинарной комиссией Валмонта и думаю, что штрафной бокс хотя бы честнее.

Там над дверью горит время, судья заранее объясняет нарушение, а выйти можно после определённого количества минут. Здесь трое людей в серых креслах перелистывают папку с моим именем и называют неопределённость процедурой.

Слева от меня тренер Келлер. Справа Алекс. Он успел сменить кофе, но не выражение человека, чья профессиональная жизнь зависит от чужой способности не бить наследников медиахолдингов.

За длинным столом сидят проректор Греше, директор спортивной программы и женщина из отдела этики. На экра-

не за их спинами остановлено видео с бала. Джулиан стоит вполоборота. Нора между нами. Мой кулак уже в пути.

Очень образовательный стоп-кадр.

— Мистер Восс отказался подавать официальную жалобу,
— говорит проректор.

Алекс рядом не расслабляется. Я тоже.

Джулиан ничего не отдаёт бесплатно. Даже милосердие использует как долговую расписку.

— Однако он предоставил письменное заявление, — продолжает Грeve. — По его словам, нападение было неспровоцированным.

На стол ложится один лист с логотипом Voss Live.

— Разумеется, — говорю я.

Тренер касается ручкой моей папки.

Не тайм-аут. Но перевод понятен: закрой рот, пока он ещё не закрыл тебе сезон.

Женщина из отдела этики включает запись. Без звука всё выглядит именно так, как нужно Джулиану. Он отпускает Норину запястье до того, как поворачивается к камере. Делает шаг. Говорит что-то. Толчок скрыт моим плечом. Потом удар.

— Расскажите, что произошло до этого момента, — просит она.

— Восс удерживал Нору. Она попросила отпустить. Он не отпустил.

— Вы состояли с мисс Лоран в отношениях на тот мо-

мент?

— Да.

Ложь уже выходит без паузы.

— Она просила применить силу?

Я смотрю на застывшее лицо Норы на экране.

— Нет.

— Значит, удар был вашим самостоятельным решением.

— Да.

Алекс перестаёт вращать ручку. Келлер не двигается.

От меня ждут объяснения про стресс, угрозу и защитный рефлекс. Алекс наверняка подготовил формулировку со словами «исключительные обстоятельства». Но обстоятельства не выбирали мою руку.

— Если бы ситуация повторилась, что бы вы сделали? — спрашивает директор программы.

Первый ответ возникает сразу: ударил бы раньше.

Я вспоминаю Норину ладонь у ворот. Вопрос. Разрешение. Выбор, который не принадлежит мне только потому, что я сильнее.

— Вмешался бы, — говорю я. — Но не ударил. Позвал бы охрану и остался рядом, пока она сама не решила бы, что делать дальше.

Проректор снимает очки.

— Это ответ, подготовленный вашим агентом?

— Нет, — говорит Алекс. — Мои ответы обычно длиннее и оплачиваются по часам.

Келлер бросает на него взгляд.

— Он ответил сам, — добавляет она. — Я не прошу комиссию считать Рейеса героем. Я прошу оценить полную ситуацию и назначить последствия за то, что он действительно сделал.

Дверь за моей спиной открывается.

Нора входит без матери, адвоката и красного платья. На ней тёмные брюки, светлый свитер и тот же золотой браслет, который скрывает синяк. В руке телефон, но она убирает его в сумку до того, как садится на отдельный стул.

Мы не виделись с тех пор, как дошли до её корпуса.

Почему-то сейчас это кажется долгим сроком.

— Мисс Лоран, — говорит женщина из отдела этики, — вы подтверждаете, что мистер Рейес ударил Джулиана Восса, защищая вас?

Вопрос предлагает Норе удобную историю. Нужно только согласиться.

Она смотрит сначала на комиссию, потом на меня.

— Я подтверждаю две вещи, — отвечает она. — Джулиан удерживал меня после прямой просьбы отпустить. Коул это увидел и спросил, хочу ли я, чтобы меня продолжали держать. Я сказала «нет».

Греве делает заметку.

— А удар?

— Был решением Коула. Я не просила его бить и не считаю, что отношения дают ему право применять силу от мо-

его имени.

Алекс тихо выдыхает через нос. Это не та версия, которую он продавал клубам.

Но Нора не смотрит на него.

— Если вы спрашиваете, было ли нападение неспровоцированным, — продолжает она, — нет. Если спрашиваете, был ли удар единственным выходом, тоже нет. Обе правды помещаются в одной комнате.

Я чувствую её слова почти физически.

Она не спасает меня ложью.

И не отдаёт Джулиану свою.

Комиссия просит нас выйти.

В коридоре Нора становится у окна. Алекс ходит вдоль стены, печатая сообщения. Келлер остаётся возле двери, скрестив руки.

— Ты могла сказать, что удар был необходим, — говорю я. Нора поворачивает голову.

— Но он не был.

— Тогда зачем пришла?

— Потому что комиссия собиралась оценивать твоё будущее по записи, из которой вырезана причина. Я вернула причину. Последствия всё ещё твои.

Никакой благодарности она не просит. Никакого долга не создаёт.

— Это могло навредить тебе перед советом, — говорю я.

— Правда постоянно кому-нибудь вредит. Обычно тому,

кто рассчитывал на её отсутствие.

Алекс перестаёт ходить.

— Я запишу это для следующего пресс-релиза.

— Выставлю счёт, — отвечает Нора.

Дверь открывается через восемнадцать минут.

Решение занимает у проректора меньше одной.

Отстранение на один матч остаётся в силе. До конца сезона я на дисциплинарном испытательном сроке. Обязательные встречи со спортивным психологом — раз в неделю. Второй эпизод насилия означает потерю капитанской нашивки и немедленное исключение из команды до отдельного разбирательства.

Не оправдание.

Не конец карьеры.

Последствие с датой и подписью.

— Вам предоставлен шанс, мистер Рейес, — заканчивает Гревес. — Не путайте его с подтверждением собственной правоты.

— Не перепутаю.

В коридоре Алекс сообщает, что «Лозанна» не отозвала запрос на мои показатели. Келлер говорит, что завтра я смотрю матч с трибуны и на тренировке всё равно появляюсь первым. Потом уводит агента обсуждать формулировку для прессы.

Мы с Норой остаёмся возле лестницы.

— Ты теперь официальный стабилизирующий фактор, —

говорю я.

— Не привыкай. Я дала показания один раз.

— И не назвала меня героем.

— Это потребовало меньше всего усилий.

Она начинает спускаться.

— Нора.

Она останавливается на ступень ниже, поэтому наши глаза оказываются почти на одном уровне.

— Я услышал, — говорю я. — Причина не отменяет последствий.

Её взгляд на секунду становится мягче.

— Хорошо. Запомни до следующего человека, который заслуживает удара.

— Список длинный.

— Начни со спортивного психолога. У него будет блокнот.

Она уходит на пару, а я впервые получаю возможность вернуться на лёд не потому, что Нора сочинила идеальную ложь.

Потому что она сказала неудобную правду и оставила мне отвечать за остальное.

В одиннадцать Алекс загоняет нас в бывший фехтовальный зал, который превратили в фотостудию. Сводчатые окна, белые экраны высотой с ворота, стойки света и человек двадцать, каждый из которых выглядит так, будто его работа — оценивать чужую кожу.

Съёмку организовал университетский журнал вместе с

агентством Алекса. Заголовок уже согласован: «Любовь против правил». По версии Алекса, фотографии должны показать мою «контролируемую мужественность» и Норину «спонтанную уязвимость».

По моей версии, кто-то должен быть наказан за оба словосочетания.

— Улыбнись, — говорит Нора, пока визажистка пытается скрыть мою ссадину на костяшках.

— Я улыбаюсь.

— Ты выглядишь так, будто выбираешь место для тела.

— Это и есть моя улыбка для прессы.

Она сидит в соседнем кресле. Кремовое пальто сменилось на чёрное платье с открытыми плечами. Волосы убранные наверх, несколько тёмных прядей оставлены у лица нарочно небрежно — после сорока минут работы трёх человек.

Я стараюсь не смотреть на тонкую линию её шеи.

Получается плохо.

Нора ловит мой взгляд в зеркале.

— Это не публичное прикосновение, — говорит она.

— Я не касаюсь.

— Ты раздеваешь меня глазами.

— В договоре нет запрета на эффективное использование зрения.

Визажистка кашляет, пряча смех.

— К счастью, — отвечает Нора, — твоё воображение уже доказало, что не способно убрать ноутбук.

— Он добавляет интеллектуальную глубину.

— Тебе она нужна.

— На площадку! — зовёт фотограф.

Адриен Марш снимает обложки, актёров и людей, которые платят за возможность выглядеть так, будто их застали врасплох на частном самолёте. На нём белая рубашка, круглые очки и выражение человека, уверенного, что хороший кадр оправдывает любое поведение.

Сначала нас ставят на расстоянии.

Нора на высоком стуле. Я за её спиной. Свет вспыхивает каждые две секунды.

— Коул, рука на плечо, — командует Марш.

Я не двигаюсь.

— Он просит тебя, — говорит Нора.

— Я слышал. Можно?

В её глазах мелькает что-то тёплое.

— Да.

Я касаюсь её плеча. Кожа прохладная и гладкая. Пальцы хочется сдвинуть к шее, туда, где пульс выдаёт её лучше любой камеры.

Я оставляю их на месте.

— Ближе, — требует Марш. — Вы любовники, а не коллеги на похоронах.

— Мы многогранны, — говорит Нора.

— Коул, владей кадром. Нора, дай ему вести.

Она дважды касается моих пальцев.

Я наклоняюсь, пока моя грудь не прижимается к её спине. Пальцы соскальзывают с плеча на ключицу — медленно, в пределах того, что она разрешила.

Нора вдыхает.

Вспышка.

— Вот, — говорит Марш. — Именно так. Посмотри на него, Нора. Мягче. Послушнее.

Её тело становится неподвижным.

Не напряжённым, как перед спором.

Пустым.

Я видел это утром на секунду, когда телефон оказался у её лица. Вчера — когда она рассказывала о матери и трасте. Это не страх, который заставляет бежать. Это навык человека, привыкшего покидать собственное тело, пока другие решают, как оно должно стоять.

Марш подходит.

— Подбородок ниже, — говорит он и берёт Нору за лицо.

Она не отстраняется.

В этом и проблема.

Я убираю его руку.

Не ломаю пальцы. Не сжимаю запястье. Просто ставлю свою ладонь между ним и Норой.

— Скажите словами, — произношу я.

Фотограф моргает.

— Простите?

— Если хотите изменить позу, скажите ей. Она умеет дви-

гаться сама.

— Я ставлю кадр.

— А она не мебель.

В студии становится тихо.

Алекс из-за монитора проводит ладонью по лицу. Наверное, считает, сколько клубов сейчас откажется от декоративной свечи.

Нора встаёт со стула.

— Коул, я в порядке.

Она произносит это идеально. Слишком идеально.

Я держу ладонь открытой рядом с её рукой, не касаясь.

— Если хочешь продолжить, два, — говорю тихо. — Если нет — один. И мы уходим.

Марш раздражённо выдыхает.

— У нас сорок минут аренды.

Я смотрю только на Нору.

— Я заплачу за сорок минут, — говорит она фотографу.

— И за следующие, если решу остаться.

Её пальцы опускаются на мою ладонь.

Два коротких нажатия.

Продолжай.

Я закрываю руку вокруг её пальцев.

— Хорошо, — говорю.

Не Маршу.

Ей.

Нора поворачивается к фотографу.

— Больше никто на площадке не меняет положение моего тела руками. Вы говорите. Я решаю. Подходит?

Марш смотрит на часы, на Алекса, на нас.

— Подходит.

— И слово «послушнее» больше не используем.

— Это была характеристика настроения.

— Тогда настроение уволено.

Майло, явившийся «для моральной поддержки» и бесплатных сэндвичей, аплодирует из-за стойки света.

— Харт, — предупреждает Алекс.

— Я кашлянул.

Съёмка продолжается.

Теперь Марш говорит словами.

Нора двигается сама. И каждый раз, когда поза требует моего прикосновения, я задаю вопрос. Иногда вслух. Иногда раскрываю ладонь рядом с её рукой, и она отвечает одним или двумя касаниями.

Это занимает на секунду больше.

Фотографии становятся в десять раз лучше.

Потому что в них больше нет женщины, которую красиво расставили. Есть Нора — живая, язвительная, опасная. Она смотрит в объектив так, будто знает все секреты фотографа и уже выбрала самый дорогой.

Марш меняет фон на винно-красный.

— Последняя серия. Коул, прижми её к стене.

Я поднимаю бровь.

— Скажите иначе.

Он стискивает зубы.

— Нора, встаньте спиной к фону. Коул, подойдите близко. Руками упритесь по обе стороны от неё. Не касайтесь, пока она не покажет, что хочет.

— Быстро учится, — шепчет Нора.

— Боится счёта за аренду.

Она становится у красной стены.

Я подхожу.

Ставлю ладони по обе стороны от её головы. Между нами остаётся расстояние в один вдох. Камеры не видят, что я не удерживаю её. Она может уйти в любую сторону.

Нора поднимает на меня глаза.

В зрачках отражаются белые квадраты света.

— Смотрите так, будто хотите разрушить друг другу жизнь, — говорит Марш.

— Наконец-то точная режиссура, — отвечает она.

— Это мой обычный взгляд на неё, — говорю я.

— Лжец.

— Манипуляторша.

Уголок её губ дрожит.

Я опускаю голос.

— Рука на талии?

Она касается тыльной стороны моей ладони дважды.

Я кладу руку ей на бок.

— Ближе?

Ещё два касания.

Наши бёдра соприкасаются.

В студии кто-то роняет зажим. Я не оборачиваюсь.

— Коул, наклонись, — говорит Марш. — Почти поцелуй.

Остановись в сантиметре.

Я жду.

Нора не подаёт сигнал.

— Нора? — спрашиваю я.

Она смотрит на мой рот.

Один удар сердца.

Второй.

Пальцы касаются моей ладони дважды.

Я наклоняюсь.

Её дыхание касается моих губ. Рука на талии чувствует, как она медленно вдыхает. Я мог бы пройти последний сантиметр до того, как кто-то успеет заметить. Вчера она уже сказала мне «да». Моё тело помнит лучше разума.

Но это «да» было на другое.

Я останавливаюсь.

Вспышки сливаются в белый свет.

Нора первой отводит взгляд. Не отступает — только смотрит на мою руку у стены.

— У тебя дрожат пальцы, — шепчет она.

— Это контролируемая мужественность.

Она смеётся прямо у моего рта.

Марш быстро снимает ещё десять кадров.

Когда серия заканчивается, я отхожу сразу. Нора поправляет платье и идёт к монитору.

На лучшей фотографии мы почти целуемся. Она прижата спиной к красному, я закрываю её телом, и со стороны это выглядит как власть. Но если присмотреться, видно открытый проход слева. Видно её пальцы поверх моей руки. Видно, что она держит меня ближе сама.

— Вот обложка, — говорит Марш.

Нора долго смотрит на кадр.

Потом переводит взгляд на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Ты раскладываешь меня по слайдам.

— Обновляю данные.

— И какой вывод?

Она подходит ближе, чтобы никто не слышал.

— Контроль бывает дисциплиной, а не только угрозой.

Я не знаю, что ответить.

Потому что всю жизнь называл защитой то, что чаще было страхом потерять. Потому что дисциплина для меня — остановить кулак в десяти сантиметрах от лица Восса, а не держать ладонь раскрытой и ждать чужого решения.

— Не делай из меня хорошего человека, Лоран, — говорю я. — Испортится репутация.

— Не волнуйся. Материала против достаточно.

Она уходит переодеваться.

Телефон в кармане вибрирует.

На экране нет неизвестного номера. Джулиан больше не видит смысла прятаться.

Сообщение короткое.

«Суббота. 23:40. Северный тоннель. Чёрный перевал. Это не просьба».

Ниже — координаты старта.

Я поднимаю глаза.

За стеклянной перегородкой Нора смеётся над чем-то, что говорит визажистка. Красное платье сменилось её кремовым пальто. Она снова собрана, но теперь замечает мой взгляд и, не переставая слушать, касается двумя пальцами собственной ладони.

Продолжай?

Я должен показать один.

Остановись.

Вместо этого поднимаю большой палец.

Улыбаюсь.

И убираю телефон экраном вниз.

Глава 5. Идеальная катастрофа

Нора

Есть одна вещь хуже, чем проходить тест на совместимость с мужчиной, которого почти не знаешь.

Проходить его в прямом эфире перед двадцатью тысячами студентов, выпускников и людей, которым нечем заняться в субботу.

— Расслабься, — говорит Коул рядом со мной.

— Не используй слова, значения которых не понимаешь.

— Я понимаю. Это то, что делают люди, когда не пишут на карточке три возможных ответа на вопрос «любимый цвет».

Я переворачиваю карточку текстом вниз.

— У тебя нет любимого цвета.

— Есть.

— Чёрный не считается. Это отсутствие света и эмоциональной зрелости.

— Винно-красный.

Он смотрит на меня слишком невинно.

Я отказываюсь реагировать.

Студия «Валмонт без фильтра» устроена в старой университетской радиорубке. За нами неоновая эмблема ворона, перед нами три камеры, сбоку небольшая аудитория. В пер-

вом ряду сидят Зои, Майло и младший брат Коула.

Матео Рейес похож на него так, будто природа сделала более мягкую версию и добавила очки. Те же тёмные волосы, те же тяжёлые брови, но улыбка появляется быстрее. Мы познакомились десять минут назад.

— Ты не похожа на его тип, — сказал он вместо приветствия.

— У него есть тип?

— Плохие решения.

Он выдержал паузу, посмотрел на брата и добавил:

— Хотя нет. Всё совпадает.

Я решила, что Матео мне нравится.

Ведущая Эмма Рош занимает кресло напротив нас. Она учится на журналистике, носит блестящий синий костюм и улыбается так, как улыбаются люди, уже получившие список вопросов, которые мы просили не задавать.

На экране за камерой идёт обратный отсчёт.

Десять.

— Последний шанс сбежать, — шепчет Коул.

— Я не бегаяю.

— Знаю. Ты организуешь стратегическое отступление в туфлях.

Пять.

Он протягивает руку между нашими креслами.

— Можно?

Я кладу ладонь поверх его.

— Да.

Два сжатия.

Красная лампочка загорается.

— Добрый вечер, Валмонт! — говорит Эмма в камеру. — Сегодня у нас пара, о которой двое суток спорит весь кантон. Наследница гостиничной империи, автор лучших кризисных стратегий курса — Нора Лоран. И капитан «Воронов», человек, который считает штрафной бокс переговорной комнатой, — Коул Рейес.

Аудитория аплодирует.

— Это клевета, — говорит Коул. — В переговорной есть кофе.

Эмма смеётся.

— Вы утверждаете, что встречались тайно до Бала основателей. Сегодня мы выясним, насколько хорошо вы знаете друг друга. Правила просты: я задаю вопрос, вы пишете ответ на доске и показываете одновременно. Совпадение — бал. Несовпадение — объяснение, которое интернет будет разбирать до понедельника.

— Я выбираю совпадение, — говорит Коул.

— Мы договорились отвечать честно, — напоминаю я.

— Поэтому и выбираю совпадение.

Это наша первая стратегия: спорить до того, как нас попросят.

Вторая — намеренно не совпадать в мелочах. Идеальная совместимость выглядит репетицией. Настоящие пары спо-

рят о датах, местах и том, кто первым написал после свидания.

Мы репетировали ровно двадцать минут.

Половину времени Коул рисовал на доске ворона с бицепсами.

— Первый вопрос, — объявляет Эмма. — Где прошло ваше первое свидание?

Я пишу: «Ботанический сад».

Коул рисует ключ и добавляет: «Мастерская».

— Показывайте!

Мы разворачиваем доски.

Аудитория смеётся.

— Прекрасное начало, — говорит Эмма. — Кто-то из вас встречался с другой парой?

— Мой мотоцикл сломался возле сада, — отвечает Коул, не моргнув. — Я отвёз его в мастерскую.

— А меня оставил среди кактусов, — добавляю я.

— Ты сказала, что способна дойти сама.

— От оранжереи до автомастерской четыре километра.

— Влюблённый парень уважает твою способность пользоваться ногами.

Я поворачиваюсь к нему.

Он повторяет мои вчерашние слова с идеально серьёзным лицом.

— Поэтому, — говорю я, — на втором свидании я проверила его способность пользоваться общественным транс-

портом.

Майло хлопает громче всех.

На экране комментариев справа строки бегут так быстро, что я успеваю заметить только сердечки и фразу «они либо женятся, либо сожгут кампус».

— Несовпадение, но история убедительная, — говорит Эмма. — Второй вопрос. Кто сделал первый шаг?

Мы оба пишем.

Я показываю: «Я».

Коул показывает: «Нора».

— Первый бал! — объявляет ведущая.

— Она любит командовать, — объясняет Коул.

— Он любит, когда я командую.

Слова вылетают раньше, чем я успеваю рассчитать последствия.

В аудитории становится громко.

Коул медленно поворачивает ко мне голову.

— Это сейчас было для камер? — спрашивает он тихо.

— Разумеется.

— Тогда очень профессионально.

Его большой палец проводит по моим пальцам. Один раз, вопросительно.

Я отвечаю двумя сжатиями.

Продолжай.

Эмма поднимает следующую карточку.

— Какой кофе пьёт ваш партнёр?

— Это дискриминация людей с нормальным давлением,
— говорит Коул.

Мы пишем.

На моей доске: «Чёрный. Слишком крепкий. Забывает выпить».

На его: «Овсяное молоко, двойной эспрессо, без сиропа. Спорит с крышками».

Зал смеётся, но Эмма смотрит внимательнее.

— Вы действительно знаете.

— Мы часто стоим в одной очереди, — отвечаю я.

— Безопасно далеко от книг, — добавляет Коул.

Он не должен был запомнить мой заказ до начала отношений.

Я не должна знать, что он забывает пить кофе, если тренировка начинается раньше восьми.

Мы не обсуждали это на репетиции.

Красная лампочка камеры становится ярче.

— Следующий вопрос, — говорит Эмма. — Что ваш партнёр делает, когда ему страшно?

Коул перестаёт улыбаться.

Вопроса не было в согласованном списке.

Я могла бы попросить остановить эфир. Могла бы ответить шуткой. Но рядом с моей ладонью его пальцы остаются неподвижными, и почему-то мне хочется узнать, что он напишет.

Маркер скользит по доске.

Я пишу одно слово.

«Дерётся».

Коул пишет: «Шутит».

Мы показываем одновременно.

Зал затихает.

— Объясните, — просит Эмма.

— Она становится смешнее, когда боится, — говорит Коул. — Почти невыносимо смешной.

Я смотрю на его профиль.

— А он превращает любой страх в противника, которого можно ударить, — отвечаю я. — Даже если противник — он сам.

Коул встречает мой взгляд.

На секунду студия исчезает. Нет красной лампочки, ведущей и двадцати тысяч зрителей. Есть только мужчина, которого я раскладывала по слайдам, и неприятное ощущение, что он читает меня без презентации.

Его пальцы сжимают мои один раз.

Остановись.

Я отворачиваюсь к Эмме.

— Следующий вопрос.

Она кивает, не споря.

Сигнал срабатывает.

Даже в прямом эфире.

— Хорошо. Что из вещей партнёра вы бы выбросили первым?

Я пишу: «Толстовку».

Коул пишет: «Ноутбук».

— Она следит за мной четыре дня, — говорит он, глядя на мою доску.

— За толстовкой. Это санитарный контроль.

— Я её стирал.

— Ты утверждаешь это второй раз. Появились свидетели?

Матео поднимает руку.

— Я свидетельствую против.

— Предатель, — говорит Коул.

— Я вырос над мастерской. У меня обоняние выжившего.

Напряжение лопается. Аудитория смеётся.

Эмма продолжает.

Любимая еда — несовпадение. Я пишу «ризотто с шафраном», Коул — «картошка из круглосуточного киоска», а потом заявляет, что мой ответ доказывает отсутствие характера.

Любимый фильм — два разных названия, но один и тот же финал, потому что мы оба выбираем истории, где герои отказываются от красивой лжи.

Кто из нас первым извиняется — оба пишем «никто».

Кто переживёт ночь в горном домике — оба указываем на себя.

— Почему? — спрашивает Эмма.

— Я составлю план, — говорю я.

— Я выбью дверь, — говорит Коул.

И одновременно мы добавляем:

— Поэтому потеряем залог.

Секунда тишины.

Потом студия взрывается смехом.

Я тоже смеюсь.

Не тем коротким звуком, который можно объяснить вежливостью. По-настоящему. Голова откидывается, в глазах появляются слёзы, и я не могу остановиться, потому что Коул смотрит на меня с видом человека, только что открывшего новую опасную игрушку.

— Вот это, — говорит он в микрофон, — мой любимый её звук.

Смех обрывается.

В груди становится тесно.

Эмма улыбается, почувствовав кровь.

— Тогда последний вопрос. Поцелуй на балу был вашим первым?

Мы должны ответить «нет».

Тайные отношения требуют тайной истории. На репетиции мы договорились о служебном лифте в библиотеке, да-те три недели назад и поцелуе, который закончился из-за пожарной сигнализации. Зои сказала, что лишняя деталь делает ложь убедительной.

Я поднимаю доску.

«Нет».

Коул тоже.

— А какой был лучшим? — спрашивает Эмма.

Этого вопроса не было.

Наша выдуманная история не включает рейтинги.

Я смотрю на Коула.

Он не берёт маркер. Просто поворачивается ко мне.

— Тот, который она не сможет назвать частью стратегии,

— говорит он.

Аудитория издаёт единый звук.

У меня пересыхает во рту.

— Такого не будет, — отвечаю я.

— Значит, первое место пока свободно.

— Ты уверен, что доживёшь до церемонии награждения?

— Нет. Но конкуренция мотивирует.

Эмма смотрит в камеру.

— На этой угрозе любви мы заканчиваем. Нора Лоран и Коул Рейес — идеальная катастрофа Валмонта!

Красная лампочка гаснет.

Аплодисменты продолжаются.

Я вынимаю руку из ладони Коула, потому что теперь прикосновение не нужно для кадра.

Кожа сразу чувствует холод.

— Мы набрали пять баллов из двенадцати, — говорю я.

— Проходной?

— Академически — нет. Коммерчески — боюсь, что да.

Майло подходит к нам с телефоном.

— У меня две новости. Первая: клип с «любимым зву-

ком» уже набрал сто двадцать тысяч просмотров.

— Эфир закончился сорок секунд назад, — говорю я.

— Любовь не знает ограничений скорости. Вторая: команда открыла тотализатор.

На экране групповой чат «ВОРОНЫ: НЕ ДЛЯ ТРЕНЕРА». Вверху закреплено сообщение:

«Первое настоящее нарушение договора Рейес—Лоран».

Варианты: свидание без камер, поцелуй без камер, ночёвка, ревность, убийство друг друга.

У последнего самые низкие коэффициенты.

— Откуда они знают о договоре? — спрашиваю я.

Майло выглядит оскорблённым.

— Мы не знаем. Это художественное предположение.

— Ты назвал его договором.

— Метафора.

Зои подходит с другой стороны.

— Не ругай его. Я уже поставила на ревность и продала команде ложную информацию о совместном завтраке.

— Ты поставила деньги на мои отношения?

— На твоё отрицание очевидного. Это стабильный рынок.

— Мы не ревнуем, — говорит Коул.

— Конечно, — отвечает Зои. — Поэтому ты последние десять минут смотришь на оператора, который поправил Норе микрофон.

Коул переводит взгляд на высокого парня у камеры.

— Он три раза коснулся её спины.

— По работе, — говорю я.

— Плохо работает.

Майло быстро меняет коэффициенты.

— Харт, — предупреждает Коул.

— Я отвечаю за прозрачность рынка.

Матео заглядывает ему через плечо.

— Ставлю двадцать на поцелуй без камер.

— Ты должен быть на моей стороне, — говорит Коул.

— Я на стороне выплаты за риск.

Я пытаюсь выглядеть возмущённой.

Не получается, потому что снова смеюсь.

Коул поворачивается ко мне.

Его улыбка исчезает не сразу. Сначала остаётся в уголках рта, потом в глазах. Он смотрит, словно мой смех принадлежит ему немного больше, чем минуту назад.

Вокруг люди сматывают кабели. Камеры выключены. Никакой причины держать сцену нет.

Он делает шаг ближе.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Ты обновляешь данные?

— Запоминаю конкурентное преимущество.

— Моё унижение?

— Твой настоящий смех.

Слова становятся слишком тихими для публичной игры.

Я должна отойти.

Вместо этого остаюсь.

Коул поднимает руку. Не касается. Ждёт вопроса, ответа или двух сжатий, которых не может получить, потому что наши ладони не соединены.

Его пальцы висят в сантиметре от моей щеки.

— Рейес! — кричит Майло. — Поцелуй без камер закры-
ваем или повышаем ставку?

Я отступаю так быстро, что задеваю кресло.

Коул медленно опускает руку.

— Повышай на убийство, — говорит он, не отводя от меня
взгляда.

Телефон в сумке вибрирует.

Сообщение от матери.

«Воскресенье, двадцать ноль-ноль. Семейный ужин. При-
веди Рейеса, если намерена продолжать этот спектакль».

Ни вопроса. Ни приветствия. Ультиматум, упакованный
в сервировку.

Я показываю экран Коулу.

— Завтра тебя хотят съесть.

Он читает и усмехается.

— Будут кормить перед этим?

— Семейю Воссов тоже пригласили.

Усмешка исчезает.

— Тем более приду.

— Мы можем отказаться.

— Можем. Ты хочешь?

Вопрос снова возвращает решение мне.

Я смотрю на сообщение матери, потом на мужчину, который не поцеловал меня без сигнала, хотя на секунду мы оба этого хотели.

— Нет, — отвечаю я. — Я хочу, чтобы они увидели худшее решение моей жизни за своим столом.

— Надену толстовку.

— Тогда тебя убью я до десерта.

Он снова заставляет меня смеяться.

И это раздражает сильнее угрозы матери.

Потому что Джулиан умеет сделать мне страшно.

Хелена — виновато.

А Коул Рейес с каждым разом всё легче делает меня счастливой.

Глава 6. Первый заезд

Коул

В двадцать три двенадцать я еду на Чёрный перевал и убеждаю себя, что молчание не считается ложью.

Нора не спрашивала, куда я отправлюсь после эфира.

Я не сказал, что проведу вечер в мастерской. Просто упомянул, что должен помочь Матео с двигателем.

Я действительно помог.

Потом надел защитный костюм, взял шлем и вывел из заднего бокса чёрный мотоцикл, который обещал больше не использовать.

Технически каждое предложение правдиво.

Технически я уже превращаю пункт семь в шутку.

Матео стоит в воротах мастерской, скрестив руки.

Над ним тускло горит старая вывеска REYES MOTORS. Отец повесил её за год до смерти. Буква R не загорается после дождя, поэтому ночью остаётся только EYES — глаза. Сегодня они смотрят на меня с таким же осуждением, как брат.

— Заглуши двигатель, — говорит Матео.

Я снимаю перчатку.

— Поздно.

— Для чего? Для того, чтобы Восс снова передвинул финиш?

— Три заезда. После них всё.

— Он говорил то же самое четыре заезда назад.

— Тогда проценты...

— Не называй это процентами. — Матео отталкивается от ворот. — Это поводок. Ты побеждаешь — он добавляет плату. Проигрываешь — добавляет плату. Дышишь не в ту сторону — добавляет плату.

— Сегодня первый из трёх.

— А завтра будет первый из новых трёх.

Я натягиваю перчатку.

— Иди домой.

— Это моя мастерская тоже.

— Поэтому закрой её.

— Ты опять решаешь за меня.

— Я решаю, кто находится рядом, когда сюда приезжают люди Восса.

Матео смеётся без веселья.

— Отлично. Ради моей безопасности ты отправишься на трассу, где люди ставят деньги на твою смерть. Безупречная логика старшего брата.

Я опускаю визор.

— Не начинай.

— Нет, Коул. Ты не платишь за меня. Уже давно. Ты платишь собой, потому что не знаешь, кто ты, если никого не

спасаешь.

Слова попадают под рёбра.

Слишком близко к тому, что написала Нора на доске.
«Дерётся».

Я завожу двигатель громче, чем нужно.

— Запри ворота, — повторяю я.

Матео не отходит.

— Она знает?

Я не отвечаю.

Его лицо меняется.

— Конечно, нет. У вас фиктивные отношения, зато твоя привычка лгать настоящая.

— Не втягивай Нору.

— Ты уже втянул. В ту секунду, когда Восс увидел вас вместе.

Телефон на руле показывает 23:12.

До Северного тоннеля двадцать семь минут, если дорога сухая. Она не сухая.

— Закрой мастерскую, — говорю я в третий раз.

Матео отступает.

Не потому, что согласен. Потому что знает: если задержит меня, люди Джулиана приедут сюда.

— Когда вернёшься, — говорит он, — не называй это защитой.

Я выезжаю в ночь.

Валмонт остаётся внизу россыпью золотых огней. Дорога

поднимается через сосновый лес, воздух становится холоднее, дождь — тоньше. На поворотах фары выхватывают каменные стены и белые столбики у края. За ними нет ничего, кроме чёрного склона.

Чёрный перевал не отмечен на туристических картах под этим именем. Днём это обычная старая дорога, закрытая после строительства нового тоннеля. Ночью по субботам здесь работают генераторы, ставки и люди, которым мало смотреть, как кто-то рискует жизнью в интернете.

У Северного тоннеля стоят чёрные фургоны Voss Live. Антенны подняты над крышами. Дроны мигают красными огнями. Внутри старой станции канатной дороги за стеклом сидят гости с шампанским — наследники, букмекеры, политики без должностей на сегодняшнюю ночь.

Никаких масок.

Никто не боится быть узнанным, потому что Джулиан продаёт не только трансляцию. Он продаёт уверенность, что запись никогда не окажется не в тех руках.

Я останавливаюсь у технической зоны.

Мужчина в серой куртке сканирует метку на моём мотоцикле.

— Рейес вернулся, — говорит он в гарнитуру.

На большом экране вспыхивает моё имя.

RAVEN.

Ниже растут цифры ставок.

После вирусного поцелуя коэффициенты выше обычного.

Разумеется.

Даже здесь Нора превращена в часть моей цены.

— Трогательно, — говорит Джулиан за спиной.

Я снимаю шлем.

Шов на его губе уже почти не заметен под светом экранов. На нём длинное чёрное пальто, как будто он пришёл не смотреть гонку, а купить гору.

— Первый из трёх, — говорю я.

— Сегодня квалификация.

— Мы договаривались о заезде.

— До того, как ты решил играть в парня моей невесты.

— Она не твоя невеста.

— Именно поэтому цена изменилась.

Я делаю шаг к нему.

Охрана рядом напрягается. Джулиан остаётся на месте.

— Сегодня я выхожу на трассу, — говорю я. — После останется два.

— После останется три.

Матео был прав.

Я знал, что он прав.

Просто услышать это вслух хуже.

— Ты не собираешься закрывать долг.

— Собираюсь. Когда ты вернёшь то, что взял.

— Я ничего у тебя не брал.

— Деньги. Время. Теперь женщину, которая должна была объединить две компании.

— Нора не строка в твоём балансе.

— Тогда почему ты оценил её в удар?

Во мне поднимается знакомая тёмная волна.

Его лицо снова оказывается ровно там, куда удобно бить.

Я вспоминаю открытую ладонь у красной стены.

Два касания.

Продолжай.

Ни одного сейчас.

Я разжимаю кулак.

Джулиан замечает это. Улыбается.

— Она уже дрессирует тебя.

— Нет. Просто решил, что второй синяк будет плохо сочетаться с твоим пальто.

— Выиграй сегодня, Рейес. И не заставляй меня объяснять Норе, чем ты занят по ночам.

— Оставь её вне этого.

— Вне этого было до поцелуя.

Он уходит к стеклянной станции.

Я надеваю шлем.

Рядом заводится второй мотоцикл.

Иво Керн участвует в заездах дольше меня и проигрывает только тогда, когда за проигрыш платят больше. На его шлеме серебряные зубы. Он поворачивает голову и проводит большим пальцем поперёк горла.

Тонко.

Мы выезжаем к линии старта.

Дорога блестит после дождя. Два километра вверх через тоннель, четыре по внешней петле, затем спуск к старому мосту. На самых узких участках ограждение осталось со времён, когда машины ездили медленнее наших мыслей.

Девушка со светящимися жезлами поднимает руки.

В наушнике щёлкает закрытый канал.

— Пять секунд.

Я опускаю тело к баку.

Двигатель вибрирует между коленями.

На экране у старта мелькает стоп-кадр из сегодняшнего эфира: Нора смеётся, я смотрю на неё.

Voss Live продаёт зрителям историю. Влюблённый капитан рискует ради женщины, которую не может иметь.

Правда хуже.

Я рискую, потому что три года назад не мог позволить брату умереть.

И потому что до сих пор не умею остановиться.

Жезлы падают.

Мы срываемся одновременно.

Первый тоннель проглатывает звук и возвращает его умноженным. Световые полосы летят над визором. Иво идёт справа, почти касаясь моего локтя. На выходе дорога сужается, и он первым занимает внутреннюю линию.

Я отпускаю его вперёд.

Не из осторожности.

Из расчёта.

На льду победа редко начинается там, где ты забираешь шайбу. Иногда нужно отдать сопернику пространство, чтобы он поверил, будто контролирует игру.

Первый поворот Иво проходит слишком широко. Я ныряю внутрь, колено почти касается мокрого асфальта, и выхожу впереди на половину корпуса.

В наушнике ревёт голос комментатора.

Я отключаю звук.

Остаются двигатель, дождь и дыхание.

На внешней петле ветер бьёт сбоку. Внизу мигают огни Валмонта. На прямой Иво догоняет. Его фара заполняет зеркало, затем исчезает.

Он оказывается слева.

Слишком близко.

Его плечо ударяет моё.

Мотоцикл ведёт к ограждению.

Я выравниваю руль. Между моим локтем и металлом остаётся ладонь.

Иво прижимает сильнее.

Не ошибка.

Не азарт.

Ему заплатили.

Серебряные зубы на его шлеме поворачиваются ко мне.

Я сбрасываю скорость.

Он ждёт сопротивления и на секунду теряет опору, когда давление исчезает. Его мотоцикл уходит вперёд. Я прохожу

за задним колесом и вынырываю справа как раз перед следующим поворотом.

Иво пытается закрыть линию поздно.

Его зеркало бьёт по моему визору.

Пластик трескается.

Острый край цепляет бровь. В глаз мгновенно течёт тёплое.

Я моргаю.

Левая половина мира становится красной.

До моста два километра.

Разум говорит остановиться.

Тело вспоминает одно сжатие Нориной ладони.

Остановись.

Но её здесь нет.

А долг ждёт на финише.

Я прижимаюсь ниже и открываю газ.

Иво впереди. Он думает, что зрение даст ему преимущество. Не знает, сколько матчей я доиграл, видя только левую половину площадки из-за крови, пота или чужой перчатки.

Дорога — та же игра. Углы. Скорость. Чужая уверенность.

Перед мостом две шпильки. На первой я сокращаю расстояние. На второй захожу позже, позволяю мотоциклу пройти глубже и выстреливаю на выходе.

Мы оказываемся рядом.

Иво снова двигается ко мне.

На этот раз я не даю прижать себя к краю. Держу линию

ровно, не отвечая ударом. Ему приходится выбирать: столкнуться и упасть самому или отступить.

Он отступает.

Финишная арка вырастает из дождя.

Я пересекаю линию первым на длину переднего колеса.

Мир возвращается шумом.

Дроны висят над дорогой. Люди за ограждением кричат. На экране цифры ставок окрашиваются красным и зелёным. Кто-то заработал состояние на том, что я не умер.

Я торможу у технической зоны и снимаю шлем.

Кровь стекает по виску.

Медик делает шаг ко мне, но Джулиан поднимает ладонь.

— Красивый финиш, — говорит он.

— Два осталось.

— Три.

Я смотрю на него одним ясным глазом.

— Ты только что подтвердил, что долг нельзя закрыть.

— Его можно закрыть. Вернись к роли, за которую тебе заплатили.

— Нора выбрала не тебя. Это не мой долг.

— Пока ты рядом с ней, всё твоё становится моим долгом.

Он протягивает медику салфетку, словно проявляет заботу.

— Завтра семейный ужин. Постарайся не испачкать скатерть.

Я замираю.

— Откуда ты...

— Меня пригласили первым.

Конечно.

Здесь нечего выяснять. Хелена сама посадит угрозу за стол, потому что на карточке рассадки фамилия Восс выглядит правильно.

— Увидимся завтра, — говорит Джулиан. — И, Рейес... если расскажешь Норе, что здесь происходит, я начну разыскивать с Матео. Не деньгами.

Я хватаю его за ворот пальто.

Охрана движется.

Джулиан не сопротивляется. Он знает, что камеры включены.

— Тронешь моего брата...

— Ты что? Ударить меня перед публикой?

Его улыбка касается шва.

Я вижу Стекланный павильон. Нору между нами. Её руку поверх моей.

«Тайм-аут».

Она не произносила слово сейчас.

Но я слышу.

Я отпускаю Джулиана.

— Вот так, — говорит он. — Хороший мальчик.

На этот раз слова не заставляют меня ударить.

От этого он выглядит почти разочарованным.

Я позволяю медику заклеить бровь, надеваю шлем и уез-

жаю до того, как Иво решит получить вторую часть оплаты.

В шесть сорок утра Валмонт ещё пуст.

Я не спал. Кровь засохла у виска, плечо ноет, правое зеркало болтается на проводе. Я ставлю мотоцикл в мастерской, меняю куртку и умываюсь над раковиной, пока вода не становится прозрачной.

Потом еду к Норе.

Не потому, что разумно.

Потому что в восемь мы должны появиться на завтраке перед фотографиями, а если отменю, она задаст больше вопросов.

Она уже ждёт у ворот.

На ней тёмные джинсы, длинное пальто и выражение женщины, готовой объявить войну утру. В руках два стакана кофе.

— Ты рано, — говорю я.

— Ты ужасно выглядишь.

— И тебе доброе утро.

Нора подходит ближе.

Её взгляд сразу находит пластырь над бровью.

— Что случилось?

— Тренировка.

Ложь выходит легко.

Слишком легко.

— Ночью?

— После эфира. Закрытая сессия. Потом заехал в мастер-

скую.

Она принохивается.

— Поэтому от тебя пахнет бензином.

— Поэтому.

Каждое слово правдоподобно. Ни одно не правда целиком.

Нора ставит кофе на каменную ограду.

— Это связано с Джулианом?

Вот он.

Пункт семь.

Не мелкий шрифт. Не сложная формулировка. Прямой вопрос от человека, чья безопасность уже стала частью долга.

Если скажу правду, она вмешается. Придёт на ужин, зная, на что способен Восс. Потребуется выбраться. Может обратиться к матери, совету, прессе. Джулиан ударит по Матео.

Защитить — значит скрыть опасность.

Старая ложь звучит моим голосом убедительнее новой клятвы.

— Нет, — отвечаю я. — С Джулианом не связано.

Нора смотрит мне в глаза.

Я позволяю.

Потому что если отведу взгляд, она поймёт.

— Правило семь? — спрашивает она.

— Не нарушено.

Вторая ложь хуже первой.

Она медленно выдыхает.

— Можно посмотреть?

— Да.

Нора поднимает руку к моему лицу. Останавливает пальцы возле пластыря.

Ждёт.

Я беру её ладонь и сжимаю дважды.

Продолжай.

Она осторожно касается кожи у раны. Нежность больше удара зеркалом.

— Тебе наложили швы?

— Нет. Просто рассечение.

— Ты уверен, что можешь идти на ужин?

— Я пережил твою мать в интернете. За столом справлюсь.

Нора улыбается.

Доверчиво.

Вот что ломает меня окончательно.

Не то, что я нарушил наш договор через три дня после подписи.

А то, что она поверила, потому что я произнёс номер правила.

Её пальцы всё ещё у моего лица. Моя рука закрыта вокруг её запястья не для того, чтобы удержать, — чтобы не потерять тепло.

За воротами появляются первые камеры.

Нора берёт кофе и протягивает один мне.

— Готов играть?

Я смотрю на женщину, которую только что лишил выбора ради её же безопасности.

— Всегда, — отвечаю я.

И это третья ложь.

Глава 7. Ужин с хищниками

Нора

Моя мать считает семейным ужином мероприятие, на котором карточки с именами расставляют за три часа до прихода семьи.

К семи вечера длинный стол в зимнем саду накрыт на четверых. Белые пионы стоят в низких вазах, чтобы гости могли видеть друг друга во время взаимного уничтожения. Серебро отражает свет люстры. На каждом бокале выгравирована буква L.

Карточка Коула напечатана другим шрифтом.

Его добавили последним.

Джулиана — нет.

Я переворачиваю его карточку лицом вниз.

— Это поведение двенадцатилетней девочки, — говорит мать от дверей.

— В двенадцать я бы её съела. Я стала сдержаннее.

Хелена входит в комнату, и даже цветы рядом с ней выглядят недостаточно организованными. На ней чёрное платье без единой лишней линии, волосы собраны, бриллианты в ушах ровно того размера, который называют скромным люди, никогда не смотревшие на ценник.

Её взгляд проходит по моему тёмно-зелёному платью.

— Я просила надеть кремовое.

— Поэтому выбрала зелёное. Хотела убедиться, что наши средства связи работают.

— Сегодня не время проверять моё терпение.

— А чьё время? Коула или Джулиана?

Мать подходит к столу и возвращает карточку Восса на место.

— Джулиан представляет сторону потенциальной сделки.

— Сегодня семейный ужин или заседание совета?

— Если бы ты понимала разницу между личным и деловым, мы бы не оказались в этой ситуации.

Я смеюсь один раз.

— Ты собиралась надеть мне кольцо ради объединения компаний, мама. Разницу потеряла не я.

Её лицо не меняется. Моя мать не повышает голос. Она понижает температуру в комнате.

— Коул Рейес ударил человека перед камерами.

— Человека, который меня удерживал.

— И теперь ты обязана защищать его, потому что связала ваши репутации. Именно поэтому импульсивные решения опасны.

Вот первая ловушка.

Если я соглашусь, поцелуй был ошибкой. Если стану спорить, я защищаю Коула из чувства вины. В обеих версиях моего выбора не существует.

До знакомства с Коулом я бы искала третий вариант достаточно умный, чтобы мать не заметила сопротивления.

Теперь мне хочется просто сказать нет.

Звонок раздаётся раньше, чем я успеваю.

Мать смотрит на часы.

— Он опоздал на четыре минуты.

— Трагедия. Вычеркнем его из завещания.

— Он уже приехал в неподходящей машине.

За стеклянными стенами зимнего сада видно подъездную аллею. У мраморных ступеней стоит старый тёмно-синий седан с одной фарой чуть ярче другой. Коул выходит, поправляет пиджак и поднимает голову к окнам.

Пиджак действительно неподходящий.

Чёрный, слишком тесный в плечах, с рукавами на сантиметр короче положенного. Под ним простая белая рубашка без галстука. На ногах отполированные ботинки, которые не спасает даже расстояние: я видела в них Коула возле мастерской.

Пластырь над его бровью заменён тонкой полоской телесного цвета.

Он выглядит как мужчина, которого пригласили на собственную казнь и попросили соблюдать дресс-код.

Почему-то мне становится легче дышать.

— Не смей улыбаться, — тихо говорит мать.

Я понимаю, что улыбаюсь.

— Уже поздно.

Дворецкий открывает Коулу дверь.

Через минуту он появляется в зимнем саду с бутылкой вина в одной руке и небольшим бумажным пакетом в другой.

— Миссис Лоран, — говорит он матери. — Спасибо за приглашение.

— Мадам Лоран.

— Значит, уже ошибся. Хорошо, что принёс резервный подарок.

Он протягивает ей вино. Мать читает этикетку, и пауза длится ровно столько, чтобы все поняли: бутылка не соответствует столу.

— Очень мило, — произносит она.

— Матео выбирал. Если плохое, претензии к нему. Если хорошее — я нашёл сам.

Коул поворачивается ко мне и подаёт бумажный пакет.

Внутри картошка из круглосуточного киоска.

Ещё горячая.

— На случай, если ужин окажется декоративным, — объясняет он.

Я закрываю пакет, чтобы не рассмеяться.

— Ты принёс картошку в дом, где у оливкового масла есть страховой полис.

— Я видел порции на фотографиях. Пришёл подготовленным.

Он не целует меня сразу. Только протягивает ладонь между нами, скрытую от матери складками моего платья.

Вопрос.

Я кладу пальцы поверх его и дважды сжимаю.

Коул наклоняется, касается губами моей щеки и задерживается на одно тёплое мгновение дольше светского приветствия.

— Ты всё-таки пришёл, — шепчу я.

— Ты звучишь удивлённо.

— Я видела твой пиджак. Решила, охрана не пропустит.

— Харт сказал, что это итальянский крой.

— Харт выше тебя на пять сантиметров и шире на два комплекса неполноценности.

— Сниму после супа.

— До супа мы не доживём.

— Тогда всё идёт по плану.

— Как трогательно.

Голос Джулиана возникает за спиной Коула.

Он входит без объявления. Конечно. На нём тёмно-серый костюм, идеально сидящий на теле человека, который никогда не одевался самостоятельно. Шов на губе снят. Синяк почти исчез.

Его взгляд сначала останавливается на моей руке в ладони Коула, потом поднимается к пластырю над его бровью.

— У вас совпадают травмы, — говорит он. — Почти семейный портрет.

Пальцы Коула напрягаются.

Я сжимаю их дважды.

Не остановка.

Напоминание, что решение пока у него.

— Джулиан, — говорит мать. — Мы ждали тебя.

— Я приехал вовремя.

Он целует воздух возле её щеки и занимает место, будто карточка на столе является документом о собственности.

Ужин начинается.

Первые семь минут проходят в тишине, которую оплачивают серебром, фарфором и годами взаимной неприязни. Официанты меняют тарелки прежде, чем я успеваю решить, нравилась ли мне еда. Коул изучает приборы.

Я незаметно касаюсь крайней вилки.

Он выбирает другую.

— Эта для рыбы, — шепчу я.

— Рыба уже мертва. Не осудит.

Мать слышит.

— В Валмонте проводят занятия по этикету для спортсменов, — говорит она.

— Проводят, — отвечает Коул. — Я пропустил из-за тренировки.

— Какая преданность делу.

— Мне за него платят будущим, а не хорошими манерами.

Он произносит это спокойно. Без стыда. Не пытается превратить ботинки в дизайнерские и не извиняется за то, что умеет лучше владеть клюшкой, чем рыбной вилкой.

Мать откладывает нож.

— Именно о будущем я хотела поговорить. Представители «Лозанны» внимательно следят за вашей дисциплинарной историей.

— Они следят за моей статистикой.

— Одно не отменяет другого. Laurent Foundation много лет поддерживает молодых спортсменов. Мы могли бы помочь вам с подготовкой, юридическим сопровождением, правильным освещением вашей... биографии.

Она делает паузу перед последним словом, словно биография Коула оставляет пятна на скатерти.

— Сколько? — спрашивает он.

— Простите?

— Цена помощи.

— Не всё имеет цену, мистер Рейес.

Джулиан поднимает бокал, скрывая улыбку.

Коул замечает.

— Тогда назовите условие.

Мать смотрит на меня.

— Спокойствие вокруг нашей семьи. Никаких публичных сцен. Никаких необдуманных заявлений. И разумная дистанция до заседания траста.

— От Норы?

— От ситуации, которая вредит вам обоим.

— Значит, от Норы.

— Я не формулировала это так.

— Поэтому я и уточнил.

Коул берёт воду. Ни усмешки, ни угрозы. Просто оставляет предложение на столе без красивой упаковки.

Цена — я.

Мне неприятно, как сильно это похоже на облегчение.

В моём мире люди годами учатся не называть вещи своими именами. Коул входит в комнату в тесном пиджаке и за минуту портит им весь язык.

— Ты мог бы хотя бы выслушать, — говорит Джулиан.

— Я услышал.

— Нет. Ты услышал возможность почувствовать себя оскорблённым. Это разные вещи.

Коул переводит на него взгляд.

— А ты услышал «нет» на балу и всё равно пришёл на семейный ужин. Не тебе читать лекции о восприятии.

— Нора не сказала нет союзу.

— Я сказала, — вмешиваюсь я.

Джулиан даже не смотрит на меня.

— Ты устроила спектакль.

— В котором фраза «он мой парень» почему-то оказалась понятнее слова «нет». Возможно, проблема не в моей дикции.

Мать кладёт ладонь рядом с моей тарелкой.

Не касается. Ей не нужно.

— Нора, достаточно.

Я выпрямляюсь автоматически.

Тело помнит этот тон раньше разума. «Достаточно» зна-

чит, что следующая фраза попадёт в семейную папку с моими ошибками. «Достаточно» значит, что бабушка была бы разочарована. Что сотрудники зависят от моей зрелости. Что мать устала исправлять последствия моего характера.

Коул не перебивает.

Он смотрит на меня, а не на неё.

— Ты хочешь остаться? — спрашивает он.

Вопрос такой простой, что я сначала не понимаю.

— Что?

— Здесь. За столом. Ты хочешь остаться?

Мать медленно поворачивает голову.

— Не втягивайте Нору в демонстрацию своего неповиновения.

— Я задаю ей вопрос.

— Вы ставите её в положение, где любой ответ станет жестом против семьи.

— Нет. Это вы так делаете.

Коул снова смотрит только на меня.

— Хочешь остаться?

Я оглядываю стол.

Мать, которая уже распределила последствия моего ответа.

Джулиан, уверенный, что моё сопротивление — стадия переговоров.

Белые пионы, серебряные приборы, моё имя на карточке. Вся моя жизнь в миниатюре: красиво накрытое место, с ко-

того нельзя встать.

— Нет, — говорю я.

В комнате ничего не рушится.

Мать просто бледнеет на полтона.

Коул встаёт.

Не отодвигает мой стул. Не берёт меня за руку. Ждёт следующего ответа.

— Хочешь уйти?

Сердце ударяет один раз слишком сильно.

— Да.

Я поднимаюсь сама.

— Если ты сейчас уйдёшь, — говорит мать, — совет узнает, что ты отказалась от серьёзного разговора ради очередной публичной сцены.

Вот и последствия.

Раньше я бы осталась, чтобы придумать формулировку, в которой уход выглядит стратегией. Коул ничего не предлагает. Не спасает. Просто стоит рядом и оставляет дверь открытой.

— Тогда передай совету точную цитату, — отвечаю я. — Я отказалась от ужина, на котором моё будущее обсуждали со всеми, кроме меня.

Я беру пакет с картошкой.

Коул — бутылку вина, которую мать не открыла.

— Подарки не забирают, — произносит она.

— Это не подарок, — говорит он. — Это плохое вино.

Мы выходим из зимнего сада.

Только в холле я понимаю, что дрожу.

Не от страха.

От непривычного отсутствия клетки.

Коул надевает пальто и смотрит на меня.

— Нормально?

— Нет.

— Хорошо.

— Что в этом хорошего?

— Ты не обязана говорить «нормально», когда всё плохо.

Я открываю рот и снова закрываю.

— Ты ужасно действуешь на мои защитные механизмы.

— Они первые начали.

Снаружи вспыхивает свет.

За коваными воротами стоят фотографии. Четверо, может быть пятеро. Один уже снимает парадный вход длинным объективом.

Разумеется.

Мать не устраивает частных ужинов при полностью освещённой подъездной аллее. Джулиан не приезжает туда, где никто не увидит его машину. Камеры должны были снять, как мы мирно выходим вчетвером.

Теперь они получают меня с бумажным пакетом картошки и Коула в пиджаке, который пытается задушить его плечи.

— Можем уйти через гараж, — говорит он.

Я смотрю на ворота.

Если мы спрячемся, мать назовёт уход истерикой. Джулиан — ссорой. У них снова появится место для собственной версии.

— Нет. Через главный вход.

— Уверена?

— Абсолютно.

Мы спускаемся по ступеням.

Фотографы начинают кричать вопросы.

— Нора! Ужин закончился раньше?

— Коул, вас выгнали?

— Джулиан остаётся в доме?

— Это разрыв?

Коул протягивает ладонь.

Я беру её.

На половине аллеи он наклоняется ко мне.

— Поцелуй? — спрашивает тихо.

— Для камер.

— Это цель. Я спросил согласие.

Вспышки режут темноту. За нами распахивается входная дверь. Я не оборачиваюсь, но чувствую взгляд матери между лопаток.

Смотрю на рот Коула.

— Да.

Он касается моей талии поверх пальто.

Ждёт.

Два сжатия.

Продолжай.

Его губы накрывают мои.

Первое мгновение принадлежит спектаклю. Коул поворачивает нас к свету, я кладу ладонь ему на грудь, фотографии получают ясный кадр пары, покидающей ужин вместе.

Второе мгновение принадлежит памяти.

Я уже знаю давление его рта. Знаю, что он не возьмёт больше, чем я отдам. Знаю, как меняется его дыхание, когда я приоткрываю губы.

Третье не принадлежит никому, кроме нас.

Коул начинает отстраняться.

Правильная длительность закончилась.

Я сжимаю его руку дважды.

Он замирает на долю секунды.

Потом целует снова.

Глубже.

Его большой палец скользит вдоль моего ребра, не поднимаясь выше. Моя ладонь сминает белую рубашку. Мир состоит из холода на щеках, жара под кожей и рваного света за закрытыми веками.

Я забываю держать осанку.

Забываю, где стоят объективы.

Забываю, что мать смотрит.

Коул заканчивает поцелуй первым, но не отпускает. Его лоб осторожно касается моего — с другой стороны от расчённой брови.

— Камеры получили достаточно, — говорит он хрипло.

— Знаю.

— Ты дала сигнал после.

— Знаю.

В его глазах появляется вопрос, для которого наш договор не придумал безопасной формулировки.

Я отступаю на полшага.

Не потому, что хочу.

Потому что хочу слишком сильно.

— Поехали, — говорю я.

— Куда?

Я поднимаю пакет.

— Есть картошку и критиковать твоё вино.

— Настоящее свидание запрещено.

— Это кризисное совещание на парковке.

— Тогда я веду протокол.

Мы идём к машине, держась за руки уже после того, как вспышки остаются позади.

Впервые за вечер я ухожу не только из комнаты, куда меня посадили.

Я ухожу из роли, которую мне выбрали.

Проблема в том, что поцелуй Коула больше не похож на роль.

Глава 8. Не мой герой

Коул

Нора произносит «тайм-аут» за половину секунды до того, как я успеваю сломать Бастиану Кройцу нос.

Я слышу её сквозь рев пяти тысяч человек, свист судьи и кровь, грохочущую у меня в ушах.

Но сначала я слышу Джулиана.

За два часа до матча Майло сидит на скамье в раздевалке и увеличивает фотографию нашего поцелуя у дома Лоран до размера национальной угрозы.

— Вот здесь, — говорит он, показывая экран Алексу, — Рейес окончательно забывает, что существует кислород.

— Я всё ещё дышу, — отвечаю я.

— Рефлекторно. Сознательной активности не зафиксировано.

Алекс Фогель забирает у него телефон.

— Двести тысяч просмотров за ночь. Четыре крупных спортивных блога перепечатали снимки. «Лозанна» считает, что стабильные отношения пошли тебе на пользу.

— Стабильные? — спрашивает Майло. — На видео они выглядят так, будто через минуту либо займутся сексом на капоте, либо угонят машину.

— Это и есть стабильность Рейеса.

Я бросаю в него рулоном ленты.

Майло ловит.

— Насилие подтверждает мою гипотезу.

Тренер Келлер входит, и раздевалка замолкает быстрее, чем по свистку.

Она окидывает взглядом экран в руке Алекса, мою заклеенную бровь и команду, которая слишком старательно смотрит в пол.

— Если сегодня хоть один из вас будет играть так же плохо, как врёт, мы проиграем Монтрё ещё до первого вбрасывания.

Майло медленно забирает телефон у агента.

— Это был анализ медиа, тренер.

— Харт, будешь анализировать шайбу. Желательно до того, как она окажется у тебя за спиной.

Она поворачивается ко мне.

— Рейес. Капитан разговаривает с арбитрами. Не с трибунами, соперниками после свистка и собственными демонями. Ясно?

— Да.

— Я не слышала.

— Ясно.

Она знает, что Восс будет здесь.

Валмонт сегодня играет дома, а Voss Live владеет правами на трансляцию конференции. Джулиан может войти в любую

ложу, в любую студию и почти в любую историю, если заплатил за освещение.

Я не сказал тренеру, что позaproшлой ночью он стоял на Чёрном перевале.

Не сказал Норе.

Теперь ложь выходит со мной на лёд под номером семнадцать.

На разминке я вижу её сразу.

Нора сидит у борта за нашей скамьёй в тёмном пальто и чёрно-золотом шарфе «Воронов». Волосы собраны в высокий хвост. На коленях стакан кофе, который она, судя по выражению лица, собирается официально признать преступлением против зёрен.

Она замечает меня и поднимает два пальца.

Продолжай.

Я улыбаюсь раньше, чем успеваю запретить себе.

Майло проезжает мимо.

— Очень стабильный капитан.

— Следи за воротами.

— Следи за своей девушкой.

Она не моя.

Договор говорит это ясно.

Тело договора не читало.

Я скольжу к борту и останавливаюсь напротив Норы. Между нами стекло.

— Шарф настоящий? — спрашиваю через щель у скамьи.

— В отличие от наших отношений, да.

— Больно.

— Я поддерживаю команду.

— Капитан входит в комплект.

— Капитан пока на испытательном сроке.

— После вчерашнего?

На её щеках появляется цвет.

Я получаю шайбой по коньку, потому что перестаю следить за разминкой.

Нора улыбается.

— Очень профессионально, Рейес.

— Это был тактический приём.

— Шайба победила.

— Реванш в третьем периоде.

Я отталкиваюсь от борта.

И тогда вижу, кто занимает кресло справа от неё.

Джулиан садится спокойно, расстёгивает пиджак и кладёт телефон экраном вверх. Место должно было принадлежать представителю лиги. Теперь на спинке висит табличка VOSS LIVE.

Нора поворачивается к нему.

Я не слышу слов, но вижу её лицо.

Холодное. Закрытое.

Джулиан наклоняется ближе.

Я меняю направление прежде, чем понимаю, что делаю.

Свисток тренера режет воздух.

— Рейес!

Я останавливаюсь.

Нора кладёт ладонь на стекло.

Не сигнал.

Просто граница между нами, которую я не имею права разбивать.

Она произносит медленно, чтобы я прочитал по губам:

«Я справлюсь».

Пятый пункт.

Я не вмешиваюсь в её цели.

Она не вмешивается в хоккей.

Пока оба делаем вид, что это возможно.

Первый период заканчивается один — один.

Монтрё играет грязно, но достаточно аккуратно, чтобы судьи называли это характером. Бастиан Кройц, их защитник, дважды встречает меня локтем у борта. В первый раз я забираю шайбу. Во второй запоминаю номер.

На перерыве тренер рисует новую схему большинства.

Я вижу не маркер.

Вижу Джулиана рядом с Норой.

— Семнадцатый, — говорит Келлер.

Я поднимаю голову.

— Повтори.

— Винтер закрывает ближний борт, ты уходишь глубже и ждёшь перевод от Адама.

— Это прошлый матч.

— Именно. Сегодня ты должен растянуть защиту, отдать Адаму под синюю и зайти на добивание.

Команда смотрит на меня.

Капитан не имеет права исчезать из комнаты, даже если тело осталось.

— Адам бросает низом, — говорю я. — Винтер, после отбора сразу на левый борт. Кройц заваливается внутрь, за ним будет коридор.

Келлер кивает.

— Вот теперь вернулся.

Во втором периоде мы забиваем по этой схеме.

Монтрё отвечает через три минуты.

Потом ещё раз.

К началу третьего мы проигрываем два — три, у меня разбита губа, а Кройц уверен, что может толкать меня после каждого свистка без последствий.

На девятой минуте Адам сравнивает.

Арена взрывается.

Я смотрю на Нору.

Она стоит. Шарф сдвинулся набок, кофе исчез, идеальная собранность тоже. Она кричит вместе со всеми, и я чувствую её радость физически — под рёбрами, там, где вчера была её ладонь на моей рубашке.

Джулиан не встаёт.

Он смотрит только на меня.

За три минуты до конца шайба уходит за борт возле его

места. Судья свистит, игроки меняются, я подъезжаю к скамье.

Джулиан уже ждёт у прохода за стеклом.

— Красивый пластырь, — говорит он через открытую секцию у ворот. — На трассе он выглядел драматичнее.

Я останавливаюсь.

— Закрой рот.

— Нора спросила, где ты его получил?

Его взгляд скользит к ней. Она разговаривает с Зои на два ряда выше и не слышит.

— Это между мной и тобой.

— Уже нет.

Он поднимает телефон.

На экране фотография со старта Чёрного перевала. Я в шлеме, визор поднят, лицо видно. В углу дата субботы.

— Как думаешь, — продолжает Джулиан, — она даст два сжатия, когда увидит?

Я хватаюсь за верх борта.

— Подойдёшь к ней с этим...

— Уже подошёл.

Восс улыбается.

— Только не сегодня.

Кройц ударяет меня плечом со спины.

— На лёд, принцесса, — говорит он.

Я разворачиваюсь.

Он улыбается разбитым ртом.

Не знает ничего о Джулиане, Норе или долге. Просто оказывается рядом в тот момент, когда мне нужен человек, которого можно ударить без стекла между нами.

Я хватаю его за форму.

Шлем Кройца бьётся о борт.

Судья кричит мою фамилию.

Кройц смеётся.

— Давай, капитан.

Моя правая рука уже свободна от клюшки.

Один удар.

Пять минут штрафа.

Возможно, удаление до конца матча.

Джулиан получит именно то, за чем пришёл.

Я поднимаю кулак.

— Тайм-аут!

Голос Норы проходит сквозь всё.

Она стоит у края сектора. Одна ладонь прижата к стеклу, другая поднята между нами.

Остановись.

Кройц дёргается в моём захвате.

— Что, девушка запретила?

Вся арена смотрит.

Команда смотрит.

Джулиан смотрит.

Если отпущу, завтра интернет назовёт меня ручным псом Норы Лоран.

Если ударю, останусь именно тем человеком, которого Джулиан умеет покупать одним толчком.

Я разжимаю пальцы.

Кройц отступает так резко, что едва не падает.

Судья вклинивается между нами.

— Обоим две минуты за грубость, — говорит он. — Ещё движение — до конца игры.

Я киваю.

Кройц спорит.

Мы едем в штрафные боксы.

Когда проезжаю мимо Норы, она всё ещё держит ладонь на стекле.

Я касаюсь перчаткой своей стороны.

На секунду между нами только прозрачная стена и выбор, который я сделал сам.

Джулиан уходит со своего места.

Он уже проиграл сцену.

Матч пока нет.

Мы выходим со штрафа за сорок восемь секунд до сирены.

Счёт три — три.

Келлер выпускает первое звено. Моё.

— Голова здесь? — спрашивает она у борта.

— Здесь.

— Докажи.

Вбрасывание в нашей зоне.

Я выигрываю шайбу у центра Монтрё, отдаю назад Адаму и сразу ухожу вправо. Кройц следует за мной. Конечно. Ему нужен последний толчок, последний шанс заставить меня ответить.

Я позволяю ему приблизиться.

Адам отдаёт длинную передачу вдоль борта. Я принимаю на скорости. Кройц закрывает внутреннюю линию, уверенный, что я полезу к воротам сам.

Старый я так бы и сделал.

Продавил. Столкнулся. Доказал.

Я сбрасываю шайбу назад Винтеру и продолжаю движение без неё.

Кройц разворачивается поздно.

Винтер бросает низом.

Вратарь отбивает щитком прямо на дальнюю штангу.

Туда, где я уже стою.

Одно касание.

Шайба входит под перекладину за девять секунд до конца.

Звук становится физическим.

Команда врзается в меня у борта. Перчатки бьют по шлему, Майло орёт что-то про коэффициенты, трибуны качаются чёрно-золотой волной.

Я ищу Нору поверх плеч.

Она смеётся.

Мой любимый звук даже здесь.

Сирена подтверждает победу.

В тоннеле после матча пахнет мокрой формой, льдом и адреналином. Я успеваю снять шлем, но не защиту, когда Нора появляется у двери раздевалки.

Зои остаётся в конце коридора и демонстративно отворачивается, продолжая всё видеть в отражении витрины.

— Поздравляю, — говорит Нора.

— Ты вмешалась в хоккей.

— Пятый пункт?

— Вопиющее нарушение.

— Подашь официальную жалобу?

Я подхожу ближе.

На её лице всё ещё след от волнения — расширенные зрачки, прикушенная нижняя губа, неровное дыхание.

— Почему сказала? — спрашиваю я.

— Потому что ты собирался отдать Джулиану матч, карьеру и своё лицо в одной бесплатной упаковке.

— Ты знала, что он говорил?

— Нет. Мне не нужно знать содержание каждой провокации, чтобы увидеть, что он управляет твоей реакцией.

Слишком точный ответ.

Я отвожу взгляд.

— Коул.

— Он хотел драки.

— И ты не дал.

— Ты остановила.

— Я произнесла слово. Остановился ты.

Я снова смотрю на неё.

Вот почему она опаснее Джулиана.

Он знает, какой страх заставит меня двигаться.

Она знает, что выбор всё равно остаётся моим.

— Вся арена видела, — говорю я.

— Что ты умеешь слышать женщину? Ужасный удар по репутации.

— Завтра меня назовут подкаблучником.

— Добавим в медиаплан. После героя и психопата тебе не хватало разнообразия.

Я смеюсь.

Нора подходит ещё ближе. Между нами остаётся броня на моей груди и одно правило о ненастоящих вещах.

— Ты всё ещё злишься? — спрашивает она.

— Да.

— На меня?

— Нет.

Её плечи опускаются.

— Тогда сегодня достаточно.

Она касается двух пальцев своими.

Два лёгких нажатия.

Продолжай.

Не поцелуй.

Не сцена.

Просто подтверждение, что я вернулся с края и она это видела.

Нора уходит с Зои. Я смотрю ей вслед до поворота коридора.

Тренер Келлер однажды сказала, что настоящий капитан доверяет схеме, когда инстинкт требует рвануть в одиночку.

Сегодня моей схемой стал голос Норы.

Я доверяю ему больше собственного гнева.

И эта зависимость пугает сильнее скорости.

Глава 9. Кольцо на подушке

Нора

Когда я возвращаюсь домой после матча, дверь моей спальни открыта на ширину чужой ладони.

Я останавливаюсь в конце коридора.

В доме тихо. Мать уехала на приём в Женеву, персонал после десяти остаётся только на первом этаже, а охрана сидит в помещении у ворот. Здесь всегда тихо. Деньги умеют покупать тишину даже для угрозы.

Но я точно закрывала дверь.

После семейного ужина мать приказала перенести мои вещи в восточное крыло, словно несколько дополнительных метров способны превратить неповиновение в карантин. На двери новый электронный замок. Сейчас индикатор горит зелёным.

На металле рядом с сенсором тонкая царапина.

Я не подхожу ближе.

Достаю телефон и звоню охране.

— Мадемуазель Лоран?

— Поднимитесь на второй этаж. Двое. Сейчас.

Не объясняю. Не извиняюсь за тон. Коул назвал бы это прогрессом.

Двое мужчин появляются на лестнице меньше чем через минуту. Они проверяют коридор и комнату, пока я стою у окна с телефоном в руке.

— Внутри никого, — говорит старший.

— Кто входил в дом сегодня?

— Персонал, мадам Лоран, доставщики цветов. Месье Восс был днём.

Никакой загадки.

Никаких сомнений.

Джулиан не прячется, потому что уверен: имя в журнале посетителей защищает его лучше маски.

— Оставайтесь у лестницы, — говорю я.

Я вхожу в спальню.

Ничего не перевёрнуто. Ящики закрыты. Ноутбук лежит на столе. Платья висят за стеклом в идеальном порядке.

Джулиан не хотел ограбить меня.

Он хотел показать, что может войти, не нарушив порядок.

На белой подушке лежит кольцо.

Платиновый обод, крупный бесцветный камень, россыпь меньших по бокам. Я видела его в бархатной коробке за кулисами Бала основателей. Тогда Джулиан собирался надеть его на мой палец перед камерами.

Теперь оно лежит там, где ночью должна быть моя голова.

Рядом — фотография.

Коул сидит на чёрном мотоцикле под неоновым знаком. На нём гоночная куртка, визор поднят. За спиной мокрая

дорога уходит в тоннель. В углу кадра горит надпись VOSS LIVE.

Под фотографией карточка.

«Ты выбрала мужчину, который уже принадлежит мне.
Надень кольцо — и я перестану повышать цену».

Подпись не нужна.

Но он поставил её.

Джулиан.

Я перечитываю один раз.

Потом второй.

Не потому, что не понимаю.

Потому что понимание меняет температуру тела медленнее слов.

Запах бензина утром.

Рассечённая бровь.

«Тренировка».

«С Джулианом не связано».

«Правило семь не нарушено».

Я набираю номер Коула.

Он отвечает после первого гудка.

— Ты добралась?

— Приезжай.

Пауза длится меньше секунды.

— Где ты?

— Дома. В моей комнате был Джулиан.

На заднем плане что-то падает.

— Выйди из комнаты.

Приказ.

Жёсткий, мгновенный.

В другой вечер я бы спорила только из принципа.

Сейчас выхожу, потому что сама выбираю не стоять рядом с кольцом.

— Я в коридоре. Охрана здесь. Его нет.

— Не оставайся одна. Я буду через десять минут.

— От арены сюда пятнадцать.

— Десять.

Он отключается.

Я звоню матери.

Она отвечает не сразу. За её голосом слышны музыка и чужой смех.

— Нора, сейчас неудобно.

— Ты впустила Джулиана в дом?

Музыка исчезает. Наверное, она отходит в другую комнату.

— Он привозил документы к заседанию совета.

— Ты позволила ему подняться в мою спальню?

— Разумеется, нет. Что произошло?

— Он оставил кольцо на моей подушке и фотографию Коула на нелегальной гонке.

Молчание.

Не удивление.

Расчёт.

Я слышу, как мать решает, какая версия нанесёт семье меньше вреда.

— Не вызывай полицию, — говорит она.

Вот её первый страх.

Не то, что мужчина вошёл в комнату её дочери.

То, что об этом узнают.

— Я и не собиралась.

— Я поговорю с Джулианом. Вероятно, это неудачная попытка предупредить тебя о Рейесе.

— Предупреждения оставляют в сообщениях. Кольца на подушке оставляют люди, которые хотят показать, что могут добраться до твоего горла.

— Не драматизируй.

Я смотрю на открытую дверь.

Всю жизнь это слово возвращало меня на место. Любая боль становилась драмой, если мешала семейному расписанию.

— Нет, — говорю я.

— Что — нет?

— Всего одно слово. Без презентации. Потренируйся его слышать.

Я отключаюсь.

Руки начинают дрожать только после этого.

Я прячу их в карманы пальто.

Через девять минут внизу хлопает дверь.

Коул поднимается по лестнице через две ступени. Волосы

ещё влажные после душа, на нём чёрная толстовка поверх тренировочной футболки. Спортивная сумка висит на плече, будто он схватил её и уехал до того, как переоделся.

Он видит меня.

Потом открытую комнату.

Его лицо становится пустым.

Это хуже ярости. Я уже знаю: когда Коул злится, гнев виден. Когда становится по-настоящему опасен, он убирает всё лишнее.

— Где охрана? — спрашивает он.

— У лестницы.

— Он касался тебя?

— Я его не видела.

— Кто-нибудь ещё был здесь?

— Нет.

Коул делает шаг к спальне.

Я ловлю его за рукав.

— Не надо входить так, будто тебе нужно найти человека для удара. Его нет.

Он смотрит на мою руку.

Потом на меня.

— Можно посмотреть?

Вопрос возвращает воздух.

— Да.

Мы входим вместе.

Коул замечает фотографию раньше кольца.

Останавливается.

Мне не нужно спрашивать, он ли это. Его тело уже ответило.

— Чёрный перевал, — говорю я.

Он не отрицает.

— Да.

— Ты гоняешь для Джулиана?

Коул берёт карточку двумя пальцами. Читает. Скулы на-прягаются.

— Мы не останемся здесь.

— Это не ответ.

— Знаю.

— Тогда ответь.

Он поворачивается ко мне.

— Сначала я хочу вывести тебя из дома, куда он может войти по приглашению твоей матери.

— А я хочу перестать обнаруживать правду между угрозой и твоим приказом.

Слова попадают.

Коул закрывает глаза на секунду.

— Ты права.

Я ждала спора. Защиты. Объяснения, что он знает опасность лучше.

Его согласие оставляет меня без приготовленного оружия.

— Фотография настоящая, — говорит он. — Я участвовал в заездах Восса. Он связан с долгом моей семьи. Я рас-

скажу всё, но не здесь. Не пока двое охранников, которых наняла твоя мать, уже один раз его пропустили.

— Когда сделан снимок?

Пауза.

Слишком короткая для незнакомца.

Слишком длинная для человека, подписавшего правило семь.

— Нора.

— Когда?

— Я не знаю, какой снимок он распечатал.

Технически ответ.

Не правда.

Гнев оказывается полезнее страха. Он согревает пальцы.

— Хорошо, — говорю я. — Сейчас мы уезжаем. Не потому, что ты решил. Потому что я не остаюсь в доме, где мою безопасность считают проблемой для прессы. Утром ты рассказываешь мне всё.

— Всё.

Он произносит это прямо.

Я хочу поверить.

Пока не могу.

— Куда? — спрашиваю я.

— Лофт над мастерской. Там два входа, камеры снаружи, Матео внизу. Я могу...

Он останавливается.

Начинает снова.

— Ты хочешь поехать туда?

Маленькое исправление.

Большая разница.

— Какие ещё варианты?

Коул достаёт из кармана связку ключей и кладёт мне на ладонь.

— Моя машина. Адрес Зои у тебя есть. Можешь выбрать любой отель, только не из сети Laurent. Можешь остаться здесь, а я останусь у двери. Можешь потребовать, чтобы я ушёл.

— А ты?

— Я буду там, где ты разрешишь.

Он не закрывает мои пальцы вокруг ключей.

Не превращает выбор в красивую форму приказа.

Просто ждёт.

Я смотрю на кольцо.

Джулиан оставил его на подушке, потому что уверен: страх вернёт меня в назначенную роль.

Если я поеду с Коулом, это не должно быть побегом от одного мужчины к другому.

— В лофт, — решаю я. — Но машину веду я.

На лице Коула впервые появляется что-то похожее на ужас.

— Я видел, как ты парковалась.

— Тогда будешь особенно мотивирован говорить правду до столкновения.

— Возьмём такси.

— Поздно. Ты уже отдал ключи.

Я иду к шкафу и достаю дорожную сумку.

Коул остаётся у двери.

— Что тебе нужно? — спрашивает он.

— Ноутбук. Зарядка. Три комплекта одежды. Косметика.

Фен.

— Мы уезжаем из-за угрозы.

— Именно поэтому нельзя позволить терроризму победить укладку.

Его рот дёргается.

— Вот теперь я понимаю, что ты в порядке.

— Я не в порядке.

— Знаю.

Он не просит меня стать удобнее.

Я кладу вещи в сумку. Когда пытаюсь застегнуть молнию, пальцы снова дрожат.

Коул замечает.

Не касается.

— Что нужно? — спрашивает он.

Не «успокойся».

Не «я разберусь».

Вопрос.

Я смотрю на мужчину с фотографии. На мужчину, который солгал мне утром и услышал мой голос вечером. На опасность, рядом с которой мне почему-то безопаснее, чем

в собственной спальне.

— Обними меня, — говорю я.

Коул подходит медленно.

— Да?

Я дважды сжимаю его ладонь.

Он обнимает.

Не осторожно, будто я могу сломаться. Крепко. Одна рука между лопаток, другая на затылке. Моё лицо оказывается у его шеи. От него пахнет мылом, холодным воздухом и льдом.

Я позволяю себе дрожать.

Он не обещает, что всё будет хорошо.

Не говорит, что убьёт Джулиана.

Просто держит, пока я сама не разжимаю руки.

Через двадцать минут мы выезжаем за ворота.

Я за рулём. Коул сидит рядом, обеими руками держится за ремень безопасности и оскорбляет мои отношения с дорожной разметкой.

— Я еду в пределах полосы, — говорю я.

— Ты ведёшь переговоры с её границей.

— Не отвлекай водителя.

— Я прощаюсь с жизнью.

— Драматизируешь.

Слово матери звучит во мне ещё секунду.

Потом теряет власть, потому что Коул произносит его как шутку, а не приговор.

Лофт находится над мастерской под железнодорожной ар-

кой. Внизу темно, только лампа у ворот освещает старую вывеску REYES MOTOR. Коул открывает боковую дверь и ведёт меня по металлической лестнице.

Наверху одна большая комната: кирпичные стены, кухня, диван, стол у окна и закрытая дверь спальни. Здесь нет мрамора, персонала и предметов, выбранных дизайнером вместо хозяина. На спинке стула висит хоккейная форма. На подоконнике умирает растение, которому явно обещали более ответственную семью.

Коул снимает со связки маленький ключ.

— От входной двери, — говорит он и протягивает мне. — Изнутри два замка. Этот останется у тебя.

Я беру.

— А у тебя?

— Запасной. Но я не войду без стука.

— Это твой дом.

— Сегодня и твой.

Он ставит мою сумку у дивана и отходит, оставляя между нами пространство.

Никакой клетки.

Даже если дверь заперта.

— Утром, — напоминаю я.

— Утром.

— Вся правда.

Коул смотрит на ключ в моей руке.

— Вся.

Я выбираю остаться.

Не потому, что он спас меня.

Потому что впервые мужчина привёз меня в безопасное место и отдал мне дверь.

Глава 10. Одна кухня, два врага

Нора

Утром я узнаю, что у свободы есть запах.

Она пахнет сторовшими яйцами.

В шесть сорок две я стою посреди кухни Коула в шёлковой пижаме, шерстяных носках и с лопаткой в руке, пока чёрный дым поднимается к потолку. На сковороде умирает мой третий завтрак.

Первые два были хлебом.

Хлеб проиграл быстрее.

Я выключаю плиту.

Она продолжает гореть.

— Разумеется, — говорю я конфорке. — Уважение границ здесь семейная проблема.

Ночью Коул отдал мне спальню и лёг на диване. Я поняла это утром по идеально сложенному пледу, ровной подушке и отсутствию самого Коула. Внизу уже гремели инструменты. Нормальные люди после матча, угрозы и переезда спят. Коул, видимо, чинит чужие машины, пока его собственная жизнь горит.

Я почти не спала.

Поезда проходили над аркой каждые сорок минут, и сте-

ны тихо вибрировали. В спальне не было ни одной вещи, выбранной ради красоты: металлический шкаф, узкая кровать, книги о тактике на полу и старая фотография на тумбочке. На ней Коулу лет шестнадцать, Матео ещё ребёнок, а между ними стоит мужчина с теми же тяжёлыми бровями и ладонями механика. Все трое перепачканы машинным маслом и смеются.

Я перевернула фотографию лицом к стене, потому что чувствовала себя незваной гостьей в чужом счастливом прошлом.

Через минуту поставила обратно.

Потом закрыла дверь изнутри ключом, который дал Коул.

Он не попытался войти ни разу.

Я решила приготовить завтрак.

Не из благодарности.

Из желания доказать, что умею существовать без персонала, гостиничного меню и номера консьержа в избранном.

Пока доказано обратное.

Датчик дыма начинает визжать.

— Предатель.

Я хватаю полотенце и размахиваю им под потолком. Дым послушно распределяется по всей комнате.

Дверь с лестницы распахивается.

Коул вбегает в лофт в рабочих ботинках, серых спортивных брюках и без футболки. В одной руке огнетушитель, в другой гаечный ключ.

Я забываю про датчик.

На льду форма делает его тело частью экипировки: плечи, защита, номер, функция. Без неё Коул состоит из тёплой кожи, тяжёлого дыхания и шрамов. Тонкая белая линия идёт под ключицей. Ещё одна исчезает у левого ребра. Синяк на плече цветёт тёмным фиолетовым.

Он смотрит на плиту.

Потом на меня.

— Что горит?

— Твоя вера в мою самостоятельность.

Коул ставит огнетушитель, накрывает сковороду крышкой и поворачивает ручку под конфоркой.

Пламя гаснет.

— Газ, — говорит он.

— Я догадалась по огню.

— Ты выключила не ту ручку.

— У них нет подписей.

— У них есть рисунки.

— Рисунок похож на цветок. Я решила, это декоративная функция.

Он смотрит на три обугленных куска хлеба у раковины.

— Ты пыталась вызвать меня раньше?

— Я совершенствовала метод.

— Судя по результату, метод сопротивлялся.

Коул открывает окно. Холодный воздух врывается в комнату и касается моей кожи сквозь тонкий шёлк.

Его взгляд опускается к моей пижаме.

Возвращается к лицу.

Слишком медленно, чтобы я не заметила.

— Футболка, — говорю я.

— Что?

— Надень.

— Это моя кухня.

— Именно. Мне нужна нейтральная территория для переговоров.

— Ты первая применила огонь.

Он улыбается, но берёт футболку со спинки стула и натягивает через голову.

Почему-то ткань не помогает.

Дверь снова открывается.

Матео входит с коробкой нового замка под мышкой, дреды в руке и бумажным пакетом, из которого пахнет свежим хлебом.

Он останавливается.

Смотрит на дым.

На меня.

На полуголового Коула.

На сковороду.

— Я пропустил секс или покушение?

— Завтрак, — отвечаю я.

— Значит, покушение.

Коул забирает у него пакет.

— Почему ты вошёл без стука?

— Потому что это мой замок, мой чёрный ход и половина моей мастерской.

— Лофт мой.

— И впервые за три года здесь женщина, не связанная с доставкой еды. Я исторический свидетель.

— Уйди.

— Сначала установлю замок. Потом поем. Потом уйду.

Матео ставит коробку на стол и наклоняется к сковороде.

— Яйца были больны до смерти?

— Ты всегда такой приятный утром?

— Обычно хуже. Сегодня волнуюсь за выживших.

Коул достаёт из пакета хлеб, сыр и три стакана кофе. Один протягивает мне.

Овсяное молоко, двойной эспрессо, без сиропа.

Он запомнил.

Я делаю глоток и обнаруживаю, что это хуже любого удачного комплимента.

Матео смотрит на стакан в моей руке. Потом на брата.

— Вы фальшивые, — объявляет он.

Коул закрывает глаза.

— Началось.

— Что именно в этой сцене привело тебя к выводу? — спрашиваю я. — Совместная ночь или семейный завтрак?

— Настоящая девушка знала бы, что Коул хранит кофе в морозилке и готовит яйца на самом слабом огне. Настоящий

парень знал бы, что тебя нельзя оставлять рядом с открытым пламенем.

— Мы недавно встречаемся.

— Вы называете друг друга по фамилиям, когда нервничаете.

— Это ласково, — говорит Коул.

— Вчера на матче ты смотрел на неё так, будто собирался разбить стекло. Сегодня спал на диване, хотя кровать достаточно большая для четырёх решений, о которых вы пожалеете. — Матео берёт стакан. — Отношения фальшивые. Проблема настоящая.

В комнате становится тише.

Коул смотрит на брата предупреждающе.

Матео не отводит глаз.

— Я никому не скажу, — добавляет он. — У меня двадцать на первый поцелуй без камер. Разрушать рынок невыгодно.

— Мы уже целовались без камер? — спрашиваю я.

— Формулировка ставки не моя.

— Матео, — говорит Коул.

— Устанавливаю замок.

Он забирает коробку и уходит вниз, посвистывая.

Я смотрю на Коула поверх кофе.

— Он всегда понимает всё быстрее тебя?

— Только когда это позволяет бесить меня.

— Значит, всегда.

— Именно.

Коул не садится сразу.

Сначала открывает холодильник, достаёт новые яйца и ставит чистую сковороду на ту же конфорку, которую я пыталась уничтожить. Огонь делает маленьким. Масло отмеряет не на глаз — половиной чайной ложки. Я наблюдаю, как человек, которого считают воплощением импульса, готовит завтрак с точностью лаборатории.

— Ты умеешь делать всё только в двух режимах? — спрашиваю я. — Разрушить или выстроить по линейке?

— Есть третий.

— Какой?

— Заказать еду.

Он разбивает яйца одним движением и сразу складывает скорлупу в отдельную миску.

— Почему скорлупа не в мусоре?

— Матео добавляет её в компост.

Я смотрю на умирающее растение у окна.

— Очевидно, система нуждается во внешнем аудите.

— Это базилик.

— Это воспоминание о базилике.

Коул переворачивает яйца и ставит тарелку передо мной.

— Попробуй.

— Я не голодна.

— Хорошо.

Он не уговаривает. Садится напротив и начинает есть

свою порцию. Через несколько секунд я беру вилку.

Яйца нормальные.

После моего утра это почти оскорбление.

— Ты спала? — спрашивает Коул.

— У вас над потолком регулярно проходит промышленная революция.

— К поездкам привыкаешь.

— Я не планирую задерживаться настолько долго.

Слова звучат резче, чем нужно.

Он просто кивает.

— Тогда не привыкай.

Ни попытки сделать моё пребывание обещанием. Ни уверенности, что безопасное место автоматически становится общим.

Я выбираю стул, с которого вижу лестницу и входную дверь. Коул замечает, но не переставляет мебель и не объясняет, что бояться нечего.

Когда половина завтрака съедена, он убирает свою тарелку и садится снова.

Улыбка исчезает с его лица.

Мы оба знаем, что завтрак закончился.

Начинается обещанный разговор.

Коул убирает обе сковороды, выбрасывает обугленные яйца из первой и протирает стол. Каждое движение точное. Крошки исчезают. Нож ложится параллельно краю доски. Полотенце складывается в идеальный прямоугольник.

— Ты убираешь, когда не хочешь говорить, — замечаю я.
— Я убираю, когда кухня выглядит местом преступления.
— Никаких преступлений. Только честность.

Он подвигает ко мне оставшийся хлеб и садится напротив.

— Три года назад отец и Матео ехали за деталями для мастерской, — начинает Коул. — На горной дороге грузовик вышел на их полосу. Отец погиб до приезда скорой. Матео довели до Валмонта с внутренним кровотечением.

Я не прикасаюсь к кофе.

Коул говорит ровно. Так люди зачитывают факты, которые иначе разорвут им горло.

— Страховая спорила из-за того, что машина была зарегистрирована на мастерскую. Банк видел ипотеку, просрочки и двадцатилетнего хоккеиста без контракта. Клинике нужна была гарантия оплаты до второй операции. У меня было сорок восемь часов.

Сорок восемь часов.

В моей семье столько занимает согласование цвета салфеток для благотворительного ужина. Если мне понадобится врач, мать позвонит человеку, который владеет клиникой. Если деньги задержатся, бухгалтерия назовёт это техническим вопросом, а не решением о том, будет ли кто-то жить.

Я знаю классовую разницу в цифрах, диаграммах и правильных словах для публичной речи.

Сейчас эта разница сидит между нами: Коул — напротив, в футболке с масляным пятном, — и рассказывает, как вы-

глядело отсутствие одного телефонного звонка.

— Ты обращался в университет? — спрашиваю я.

— В экстренный фонд спортсменов. Комиссия собиралась через три недели.

— В клуб?

— Я играл за молодёжный состав и ещё не подписал взрослый контракт. Тренер обзвонила спонсоров, но сумма была слишком большой, а времени слишком мало.

— Продать мастерскую?

— Банк оценил её дешевле второй операции. И всё равно не успевал оформить сделку.

Он отвечает без раздражения. Наверное, потому что эти вопросы уже задавал себе. Наверное, громче и жестче.

Я не спрашиваю, почему он не нашёл лучший выход.

Лучшие выходы хорошо видны людям, которые никогда не искали их за сорок восемь часов.

— И появился Джулиан.

— Он не появился. Он купил момент.

Пальцы Коула лежат на столе неподвижно.

— До этого я дважды выходил на старую трассу за день-ги. Небольшие заезды, без Voss Live и закрытых лож. Джулиан знал организаторов. Узнал, что мне нужно, и предложил оплатить лечение Матео.

— За три гонки.

Коул поднимает взгляд.

— Откуда ты знаешь?

— В моей комнате лежала фотография. Я умею читать контекст, даже когда мужчина выдаёт его по одному сущевительному.

Он проводит ладонью по лицу.

— За три победы. Так звучала сделка. После первой он заявил, что она покрыла проценты. После второй добавил стоимость трансляции. После третьей нашёл штраф за то, что я отказался проиграть по сигналу.

— То есть долг нельзя закрыть.

— Можно, если верить Джулиану.

— Ты не веришь.

— Уже нет.

— Сколько ты должен сейчас?

Коул проводит большим пальцем по краю чашки.

— У него есть число. У меня — нет.

— Это не ответ.

— Каждый раз, когда я прошу итоговую сумму, он присылает новую таблицу. Медицинский платёж. Проценты. Доступ к трассе. Аренда техники. Штраф за отказ проиграть. Штраф за то, что выиграл не с тем отрывом. Цифра нужна не для оплаты. Она нужна, чтобы я продолжал считать себя должником.

— Сколько заездов ты провёл?

— Больше трёх.

— Намного?

Его взгляд уходит к окну.

— Достаточно.

Глаголы снова выстроены в прошедшем времени.

Участвовал. Провёл. Просил.

Ни одного «участвую».

— Ты пытался выйти? — спрашиваю я.

— После первого сезона. Джулиан прислал запись заезда агенту, который тогда со мной работал. Не отправил — показал черновик письма и список адресатов. Потом напомнил, что кредит мастерской можно выкупить за один день.

— И ты вернулся.

— Я решил закончить ещё несколько гонок и закрыть долг победами.

— Хотя уже знал, что победа повышает цену.

— Знал.

— Почему?

Он смотрит прямо на меня.

— Потому что человек, который однажды нашёл деньги за сорок восемь часов, очень долго верит, что сможет сделать это снова. Только быстрее. Только правильнее. Только в последний раз.

В его голосе нет гордости.

Только усталость человека, годами называвшего повторение стратегией.

Слишком позднее признание.

Я вспоминаю кольцо на подушке.

— Что он может сделать сейчас?

— Передать лиге записи. На них моё лицо, ставки и несколько заездов, после которых людям понадобилась больница. Профессиональный контракт исчезнет. Мастерскую начнут проверять кредиторы. Матео он считает самым быстрым способом заставить меня слушаться.

— А меня?

Челюсть Коула напрягается.

— Тебя он считает своей.

— Я спросила не это.

Он понимает.

— Теперь ты способ давить на меня. А я — способ вернуть тебя к нему.

Прямой ответ хуже красивой лжи.

И всё-таки я выбираю его.

— Поэтому ты соврал о брови.

— Да.

— И произнёс номер правила, чтобы я поверила.

— Да.

Второе слово выходит тише.

— Почему?

— Я думал, если ты не полезешь между мной и Воссом, он оставит тебя на уровне публичного давления.

— Он вошёл в мою спальню.

— Знаю.

— Нет, Коул. Ты знаешь результат. Но всё ещё говоришь о моём незнании как о защите.

Он сжимает край стола.

— Я ошибся.

— Не романтизируй это. Ты не пожертвовал доверием ради моей безопасности. Ты решил, что имеешь право выбрать, каким риском я могу распоряжаться.

— Я ошибся, — повторяет он. — И лишил тебя выбора.

Никакого «но».

Это не возвращает доверие.

Но не позволяет ему умереть сразу.

Дрель внизу замолкает.

Матео появляется на верхней ступени. По его лицу ясно: последние слова он слышал.

— Не рассказывай это как историю, где ты спас меня и теперь обязан страдать до конца жизни, — говорит он Коулу.

Коул не поворачивается.

— Я рассказываю, что произошло.

— Нет. Ты рассказываешь версию, в которой у тебя не было выбора после моей операции.

— У меня его и не было.

— Был. Позволить мне отвечать за собственный долг.

— Тебе было восемнадцать.

— Сейчас двадцать один. Я работаю. Банк одобрил новый график по мастерской. Но ты всё ещё платишь так, будто я лежу в той палате.

Коул наконец смотрит на брата.

В их молчании три года разговоров, которые оба начинали

кулаками, инструментами или закрытой дверью.

— Это не твой долг, — говорит Коул.

— Он стал моим в тот момент, когда ты превратил мою жизнь в расписку.

Матео переводит взгляд на меня.

— Не верь, когда он называет это единственным вариантом. Единственные варианты — его любимая ложь.

Он спускается обратно.

Через секунду дрель снова включается.

Коул смотрит на пустую лестницу.

— Он ненавидит меня за это, — говорит он.

— Нет. Он ненавидит, что ты любишь его способом, в котором ему не оставлено места.

Коул вздрагивает так, будто я коснулась свежей раны.

— Что ты скрываешь сейчас? — спрашиваю я.

Коул смотрит мне в глаза.

За окном проходит поезд. Стёкла дрожат, металлический грохот заполняет паузу.

— Джулиан продолжает использовать долг, — говорит он.

— Он хочет, чтобы наши отношения закончились, и будет повышать цену, пока этого не добьётся.

Ответ точный.

И неполный.

— Есть непосредственная угроза?

— После кольца — да. Поэтому Матео меняет замки, ты получишь доступ к камерам, а Зои заберёт остальные вещи

из дома не одна. Но маршрут, занятия и то, где ты ночуешь, выбираешь ты.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Это не прощение. Это рабочая система безопасности.

— Звучит почти романтично.

— Не порть.

Я придвигаю к себе салфетку и беру ручку из сумки.

— Камеры у обоих входов. Доступ у тебя, Матео и у меня. Никто не отслеживает мой телефон без моего согласия

— включая тебя. Маршрут я сообщаю, только если выбираю сообщить. Если появляется новая угроза, ты сначала говоришь, потом предлагаешь варианты.

— А если времени нет?

— Тогда задаёшь один вопрос: «Ты хочешь, чтобы я решил?»

— И если ты не можешь ответить?

— Не превращай крайний случай в разрешение на всё остальное.

Он опускает взгляд на мои записи.

— Хорошо.

— Повтори.

— Я не использую опасность как бессрочную доверенность.

— Неплохо.

— Жизнь с тобой превращается в обязательный курс пра-

ва.

— Ты не живёшь со мной.

Коул осматривает лофт, мою сумку у дивана и три обугленных куска хлеба возле раковины.

— Разумеется.

— Это временная эвакуация.

— Со стратегическим захватом кухни.

Я впервые после кольца улыбаюсь не потому, что должна доказать собственную устойчивость.

Улыбка исчезает, когда я замечаю: Коул смотрит на неё так, будто получил больше, чем заслужил.

— Система безопасности, — напоминаю я.

— Услышал.

Коул кивает.

Внизу начинает работать дрель.

Разговор закончен не потому, что всё сказано. Потому что мы оба достигли границы того, сколько правды Коул готов потерять за одно утро.

Он забирает тарелки и идёт помогать Матео.

Я остаюсь у окна.

На батарее возле двери лежат чёрные мотоциклетные перчатки. Я хочу освободить место для своих вещей и беру их.

На правой ладони кожа оплавлена возле шва. Край ещё жёсткий и блестящий, в складках пахнет горелой резиной и свежим бензином.

Так не выглядит вещь, испорченная три года назад.

Я кладу перчатки обратно.

Коул рассказал мне правду в прошедшем времени.

Его перчатки говорят в настоящем.

Глава 11. Шрамы под формой

Коул

Нора держит мою правую перчатку двумя пальцами, будто та лично испортила ей утро.

Я поднимаюсь в лофт после установки замка и понимаю: завтрак всё-таки собирается меня убить.

— Ожог свежий, — говорит она.

Не вопрос.

— Выхлопная труба.

— На гоночной перчатке.

— На мотоцикле.

— Который ты используешь каждый день или только в прошедшем времени?

Я снимаю куртку и вешаю у двери.

— В мастерской часто приходится двигать его без экипировки. Перчатка соскользнула на горячий коллектор.

Ложь почти правдивая: я действительно двигал мотоцикл — просто после заезда.

Нора кладёт перчатку на батарею.

— Ты сейчас снова выбираешь формулировку, а не ответ.

— Я ответил.

— Поэтому мне не легче.

Она не спорит дальше, и это хуже.

Нора подходит к кухонному шкафу, достаёт аптечку, которую нашла ночью, и ставит на стол.

— Сядь.

— Ты злишься или собираешься лечить?

— Одно другому не мешает.

— Опасная женщина.

— Стул, Рейес.

Я сажусь.

Она встаёт между моими коленями и отклеивает пластырь над бровью. Пальцы у неё холодные. Движения осторожные. Я чувствую каждое касание сильнее, чем должен, потому что с прошлой ночи думаю о том, как она дрожала у моей шеи и всё равно сама сказала, когда отпустить.

— Щипать будет, — предупреждает Нора.

— Я переживу.

Она прижимает ватный диск.

Я шиплю.

— Впечатляет.

— Я берегу силы для настоящей боли.

— Например, антисептика?

— Например, твоего завтрака.

— Ты съел два куска.

— Я капитан. Должен показывать команде, как выглядят жертвы.

Уголок её рта поднимается — почти победа.

Нора наклоняется ближе, рассматривая рассечение. Её волосы собраны небрежно, несколько прядей касаются моей щеки. Пижаму она сменила на тёмные брюки и мягкий серый свитер, но от неё всё ещё пахнет моим шампунем.

Я смотрю на её рот.

Она замечает.

— Даже не начинай.

— Я сижу неподвижно.

— У тебя очень подвижный взгляд.

— Профессиональная деформация. На льду нужно следить за целью.

— Я не цель.

— Знаю.

Слово выходит серьёзнее флирта.

Нора замирает на секунду.

Потом продолжает очищать рану.

Ворот футболки съезжает в сторону. Её взгляд останавливается на белой линии под моей ключицей.

— Это от чего?

— Конёк.

— Чужой?

— Было бы странно порезать себя собственным.

— С тобой я не исключаю ничего.

Она касается кожи рядом со шрамом, не самого следа.

— Можно? — спрашивает.

Я беру её свободную руку и дважды сжимаю.

Продолжай.

Кончики пальцев проходят по плотной неровной линии. Дыхание сбивается, хотя этот шрам давно не чувствует боли.

— Ещё? — спрашивает она, глядя на мою грудь.

— Ты собираешь каталог?

— Пытаюсь понять, сколько раз ты выдавал выживание за отсутствие последствий.

Слова проходят глубже пальцев.

— Под ребром — после первого большого заезда, — говорю я. — Плечо — Монтрё три сезона назад. Колено — когда Матео в четырнадцать решил, что умеет водить погрузчик.

— Не умел?

— Я стоял на пути к знанию.

Нора улыбается, но взгляд остаётся серьёзным.

— А этот?

Она указывает на тонкую линию у основания большого пальца.

— После аварии отца разбил окно мастерской.

— Зачем?

— Дверь была закрыта.

— Ключей не было?

— Были.

Она смотрит на меня.

— Ты разбил окно, хотя мог открыть дверь.

— Я был зол.

— Вот этого я и не понимаю.

— Окна?

— Тебя. Ты всегда выбираешь самый болезненный вход, а потом называешь это единственным вариантом.

Я хочу пошутить.

Нора ждёт.

В её руке ватный диск, на моём лице открытая рана, между нами меньше ладони. Самый простой способ выйти — наклониться и поцеловать её. Она ответит или оттолкнёт. В обоих случаях вопрос исчезнет.

— Чего ты боишься? — спрашивает она.

Ответ приходит сразу.

Что Джулиан доберётся до Матео, если я перестану выходить на старт.

Что Нора увидит дату на фотографии.

Что однажды её «тайм-аут» прозвучит, а я окажусь слишком далеко, чтобы услышать.

Что она узнает всё и посмотрит на меня так же, как сейчас смотрит на перчатку.

Я не произношу ничего.

— Тебя с ватной палочкой, — говорю вместо этого.

Нора выдыхает.

Не смеётся.

— Вот. Опять.

— Что?

— Я задаю вопрос, а ты превращаешь его в флирт, драку или инструкцию по эвакуации.

— В эвакуациях я хорош.

— Коул.

Моё имя в её голосе опаснее «тайм-аута».

Тайм-аут останавливает действие.

Так она требует остаться.

— Я боюсь потерять людей, — говорю я.

— Всех?

— Тех, кто мой.

— Люди не бывают твоими.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

— Тогда скажи иначе.

Я смотрю на её лицо.

— Тех, кого я люблю.

— И страх даёт тебе право решать за них?

— Нет.

— Но ты каждый раз действуешь так, будто да.

Я сжимаю ладони на краю стула.

— Когда отец умер, я сорок минут стоял возле операционной. Врач говорил о процентах, рисках и деньгах, которых у нас не было. Я запомнил только одно: если ничего не сделаю, потеряю второго человека в один день. С тех пор ожидание кажется мне тем же, что бездействие.

Нора не смягчается из жалости.

Именно поэтому я продолжаю.

— А если действие ранит человека? — спрашивает она.

— Тогда я убеждаю себя, что хотя бы оставил его живым.

— Это не защита, Коул. Это страх, которому ты дал командный голос.

Я знаю.

Просто раньше никто не говорил так, чтобы я услышал.

Слово остаётся между нами — пока не признание, но уже слишком близко.

Нора перестаёт дышать на один удар сердца.

Я кладу ладони на край стула, чтобы не коснуться её без вопроса.

— Можно? — спрашиваю я.

Она понимает.

Её взгляд опускается к моим губам. Зрачки расширяются.

Пальцы на моём виске чуть сильнее касаются кожи.

— Нет.

Я откидываюсь сразу.

Расстояние между нами возвращается.

— Хорошо.

Нора закрывает флакон антисептика.

— Не потому, что я не хочу.

Всё тело напрягается.

Она замечает и почти улыбается.

— Не радуйся. Я не хочу, чтобы ты использовал поцелуй как дымовую завесу. Ты снова ушёл от правды, Коул.

— Я хочу тебя, — говорю я.

Её дыхание сбивается.

— Я знаю.

— Это хотя бы правда.

— Да. И я хочу тебя. Но желание не делает остальные ответы менее важными.

Честность бьёт сильнее отказа.

Она могла бы солгать, что между нами ничего нет. Это позволило бы обоим спрятаться за договором.

Вместо этого признаёт желание и всё равно сохраняет границу.

Я не знал, что «нет» может звучать настолько точно.

— Я ответил.

— Частью ответа. Как утром.

— Ты считаешь, что я продолжаю гонять.

— Я считаю, что ты хочешь моего доверия, не отдавая мне информацию, на которой оно строится.

Попадание.

— Если я отвечу, ты меня поцелуешь?

Она убирает аптечку.

— Правда не оплачивается моим телом.

Стыд приходит горячо и быстро.

— Я не это имел в виду.

— Но именно это предложил.

Я встаю, оставляя между нами стол.

— Прости.

Нора смотрит внимательно, будто проверяет, не приклеено ли к слову оправдание.

— Принято.

Не «всё хорошо», и правильно.

Она убирает использованные диски и закрывает коробку. Я вижу, что её пальцы дрожат не от страха. От того же напряжения, которое держит меня на месте.

— Скажи одну вещь, которую не собирался говорить, — просит она. — Не про гонки. Не про Джулиана. Про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.